

**XI Международная
проблемно-методологическая конференция**

**ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ВОСТОКА**

11–13 октября 2021 г.

Тезисы и конспекты докладов

Москва, ИВ РАН
2021

Составители и ответственные редакторы выпуска:
Л. В. Горяева, В. Н. Настич

0-42 **XI Международная** проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока». 11–13 октября 2021 г. / Тезисы и конспекты докладов / Сост. и отв. ред. Л.В. Горяева, В.Н. Настич. [Электронная версия в формате PDF]. — М.: ИВ РАН, 2021. — 87 с.

ISBN 978-5-907384-59-0

Сборник тезисов и конспектов докладов, заявленных для прочтения на XI Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока», организованной сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и проводимой в Москве 11–13 октября 2021 г.

The present volume represents a collection of abstracts and synopses of papers delivered at the 11th annual Conference "Textology and Source Study of the East" organized in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and conducted by the staff of the Department of Oriental Written Sources (Moscow, 11–13 October 2021).

© Институт востоковедения РАН, 2021

Содержание

От составителей	7
<i>Аверьянов Ю. А.</i> Записи сновидений Фазлаллаха Хуруфи (1340–1394) как часть рукописного наследия течения (секты) хуруфитов	9
<i>Аникеева Т. А.</i> Собрание арабографичных рукописей Каракалпакского Института гуманитарных наук АН РУз (г. Нукус): состав и происхождение	11
<i>Банкова Л. Л.</i> «Песня о 12 больших часах»: структурообразующие параметры и дискурсообразующие признаки	13
<i>Березкин Р. В.</i> Ханойское переиздание «Баоцзюань о Сяншани» и его значимость в истории жанра баоцзюань	16
<i>Берзон Е. М.</i> <i>Makkadunāya, šar Bābili</i> : Селевкиды и их роль в политической и религиозной жизни эллинистической Вавилонии	18
<i>Борлыкова Б. Х., Басанова Т. В.</i> Сарт-калмыцкий эпос в записях А. В. Бурдукова	21
<i>Зарубина Е. Д.</i> Сокращения как внутритекстовые операторы в рукописи устава Братства соблюдающих утро	23
<i>Илюшина М. Ю.</i> Документы в египетских нарративных источниках мамлюкского периода (1250–1517): специфика и критика	26

<i>Казакевич О. А.</i>	
Смерть в языке и фольклоре северных селькупов	28
<i>Лахути Л. Г.</i>	
Алхимия души в трактате Абу Хамида Газали «Эликсир счастья» и <i>маснави</i> Фарид ад-дина ‘Аттара <i>Илахи-наме</i>	31
<i>Лахути С. В.</i>	
Материальные аспекты литературных писем в <i>Шах-наме</i> Абулькасима Фирдоуси	34
<i>Лидова Н. Р.</i>	
Концептуализация представлений о «вкусе» (<i>rasa</i>) в древней Индии	36
<i>Меняев Б. В.</i>	
Коллекция письменных памятников на ойратском языке из Улан-Хольского хурула Калмыкии	38
<i>Микульский Д. В.</i>	
Южнойеменский историк и поэт Ахмад Фадл б. ‘Али Мухсин ал-‘Абдали (1881–1943) о ходе Первой мировой войны на территории Южного Йемена	41
<i>Мишин Д. Е.</i>	
Ещё раз о <i>Шах-наме</i> как об историческом источнике	43
<i>Муртазин М. Ф.</i>	
Значение раздельно читаемых букв в зачинах коранических сур в соответствии с <i>Тафсиром</i> ат-Табари	45
<i>Никитенко Е. Л.</i>	
«Завещания шахидов» времен ирано-иракской войны 1980–1988 гг.: общее и индивидуальное	48
<i>Полхов С. А.</i>	
Мятеж Араки Мурасигэ против Ода Нобунага в <i>Синтё-ко: ки</i>	51

<i>Рейснер М. Л.</i>	
О «стандартных зачинах» в персидской классической газели X–XIV вв.	53
<i>Саитбатталов И. Р.</i>	
Толкование 36-й суры Корана в экзегетических трудах богословов Башкирии начала XIX в.	55
<i>Саитбатталова Ю. А.</i>	
Лексико-стилистический анализ перевода «Нагорной проповеди» в башкироязычном «Евангелии» 1902 г. изд.	58
<i>Тимохин Д. М.</i>	
<i>Джахан-наме</i> «Книга о мире» Мухаммада ибн Наджиба Бакрана как источник по истории хазар	61
<i>Торопыгина М. В.</i>	
Трактовка сюжета «путешествие на острова» (<i>сима ватару</i>) в рассказе <i>Касуми-но кума хару Асаина</i> «Туман весеннего утра повсюду или Асаина», 1792 г.	63
<i>Тюлина Е. В.</i>	
Особенности представления о времени в <i>пуранах</i>	65
<i>Федорова Ю. Е.</i>	
Концепция «правления факиха» (<i>вилаят-и факих</i>) имама Хомейни и ее суфийские истоки	68
<i>Фролова М. В.</i>	
<i>Чиунг Ванара</i> и другие индонезийские сказки о соперничестве двух жён	70
<i>Хайрутдинов А. Г.</i>	
Коран о метемпсихозе на основе логико-лингвистического анализа 96-го аята суры «Стоящие в ряд»	72
<i>Ханмурзаев И. И., Османова М. Н.</i>	
Маргинальные записи дагестанских арабоязычных рукописей как источник по изучению генеалогии (по материалам археографических экспедиций)	74

<i>Чалисова Н. Ю.</i>	
Для кого Абу Бакр б. Хусрав ал-Устад написал <i>Мунис-наме?</i> (Об авторском предисловии и его русском переводе)	77
<i>Чупрыгина Л. А., Андреева М., Архипов Н. Д., Чернявская С. Н.</i>	
Дамаск: история, обычаи, знаковые места (по книге Мухаммада б. ‘Абд ал-Мун‘има ал-Химйари «Благоухающий сад новостей из разных стран», XIV в.)	80
<i>Шелестин В. Ю.</i>	
Проблемы интерпретации «Повествования о Цальпе»	84
<i>Юдицкая Е. А.</i>	
Понятие <i>витхьянга</i> по материалам <i>Натьяшастры</i> и феномен речевого сбоя в классической санскритской драме	86

От составителей

Нынешняя конференция «Текстология и источниковедение Востока» — одиннадцатая по счёту. Когда в уже далёком 2010 году мы, группа сотрудников Отдела памятников письменности народов Востока ИВРАН, собирались на первое заседание проблемно-методологического семинара, а спустя год — и на свою полноформатную конференцию, мы едва ли могли предположить, что наша скромная инициатива найдёт поддержку в столь широком круге коллег-востоковедов разных специальностей, занимающихся изучением первоисточников: памятников письменности, археологических артефактов, предметов искусства, нумизматических раритетов и других восточных древностей — материальных и документальных свидетельств минувших эпох. Но очень скоро стало ясно, что обойтись «одноразовой акцией» подобного рода было бы нерационально.

Внимательные коллеги, очевидно, уже заметили, что название нашей конференции изменено. Дело в том, что словосочетание «Письменные памятники Востока» с недавних пор официально зарегистрировано руководством Института восточных рукописей (ИВР РАН, Санкт-Петербург) в качестве «словесного товарного знака» (знака обслуживания) для журнала, издаваемого нашими питерскими коллегами. Отныне все мероприятия и публикации по аналогичной тематике, во избежание возможной путаницы в наименованиях изданий, нам придётся именовать иначе: в частности, ежегодная конференция, которая с 2014 года проходила под названием «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации», впредь будет именоваться так же, как наш постоянный семинар — «Текстология и источниковедение Востока».

Отрадно видеть, что далеко не все исследователи из нынешнего молодого поколения востоковедов избирают предмет своих штудий конъюнктурно востребованные, но не всегда научно обоснованные «горячие» темы сегодняшней политики, а предпочитают пристальнее взглянуть на более отдалённое прошлое стран Азии и Африки, подчас диктующее свои правила государствам XXI века. Сегодня, когда «возвращение к истокам» принимает самые разнообразные формы, как на Востоке, так и в мире в целом, внимание к письменному наследию прошлого более чем уместно. Отрадно видеть, что из года в год, наряду с нашими постоянными авторами — москвичами и петербуржцами, учёными из Башкортостана, Калмыкии, Дагестана, Татарстана и Китайской Народной Республики, мы слушаем доклады молодых специалистов новой генерации, и число желающих выступить на наших конференциях только растёт.

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Аверьянов Ю. А.
(ИВ РАН)

**Записи сновидений Фазлаллаха Хуруфи (1340–1394)
как часть рукописного наследия
течения (секты) хуруфитов**

Ключевые слова: хуруфиты, Фазлаллах Астрабади, *Джавидан-наме*, видения мистиков, суфизм, толкование снов, онейрология

Согласно египетскому историку Ибн Хаджару ал-‘Аскалани (1372–1448), имя основателя хуруфизма — Фазлаллах ибн Аби Мухаммад Табризи. Сами хуруфиты нередко называли своего наставника в целях конспирации сокращенно «Мавлана Ф». По преданию, в одном из сновидений Фазлаллах узрел ярко сияющую на небосклоне звезду, и неведомый голос возвестил ему, что эта звезда появляется один раз в несколько столетий. Звезда отдала весь свой свет, влив его в правый глаз Фазлаллаха, после чего он начинает понимать язык щебечущих в саду птиц (трактат *Хаб-наме*, приписываемый его ученику Сейиду Исхаку). Также после этого чудесного случая он приобрел дар толкования снов. В заключительной части основного произведения Фазлаллаха Хуруфи — трактата *Джавидан-и кабир* — приведены записи, содержащие рассказ о сновидениях основателя «ереси» хуруфизма в период с марта 1384 по апрель 1394 г. Именно содержание этих сновидений станет предметом анализа в настоящем докладе (путем их сравнительно-антропологического анализа и поиска аналогий в сопредельных мистических традициях).

Averianov Yuri.A.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**Dream records of Fazlallah Hurufi (1340–1394)
as part of the manuscript heritage of the Hurufi sect**

Keywords: Hurufites, Fazlallah Astrabadi, *Javidan-nameh*, mystical visions, Sufism, interpretation of dreams, oneirology

According to the Egyptian historian Ibn Hajar al-ʿAsqalani (1372–1448), the name of the founder of Hurufism is Fazlallah ibn Abi Muhammad Tabrizi. The Hurufis themselves often called their mentor, for the sake of conspiracy, abbreviated as "Mawlana F." As a legend says, in one of his dreams, Fazlallah saw a star shining brightly in the sky, and an unknown voice announced to him that this star appears once every several centuries. The star gave all its light, pouring it into the right eye of Fazlallah, thereafter he began to understand the language of birds chirping in the garden (so tells the treatise *Khwab-nameh* attributed to his murid Sayyid Ishak). Also after this miraculous event, the Sheikh acquired a gift of interpreting dreams. The concluding part of the main work of Fazlallah Hurufi – the treatise *Javidan-i Kabir* – takes records about dreams of the founder of the "heresy" of Hurufism in a period from March 1384 to April 1394. Content of these dreams will be the subject of analysis in this paper (by their comparative anthropological study and search for analogies in adjacent mystical traditions).

Аникеева Т. А.
(ИВ РАН)

**Собрание арабографичных рукописей
Каракалпакского Института гуманитарных наук
АН РУз (г. Нукус): состав и происхождение**

Ключевые слова: арабографичные рукописи, Чимбай, Каракалпакия, книжная культура Приаралья, литографии

В мае 2021 г. в ходе работы в рукописном собрании КИГН КК ОАН РУз было продолжено научное описание коллекции рукописей, литографий и старопечатных книг, состоящей из новых поступлений (так называемой «Чимбайской», по месту происхождения большей части рукописей). По сведениям сотрудников Института, Чимбайскую коллекцию собрал У. Рахматуллаев (р. в 1920 г.) — это более трехсот рукописей, книг и литографий на арабском, персидском и тюркском языках, которые впоследствии были переданы Институту.

Был составлен предварительный список рукописей, литографий и старопечатных книг, они были распределены по языкам, хронологии и тематике. Среди этих рукописей — произведения по мусульманской догматике, Кораны, поэтические произведения (стихи Сулеймана Бакыргани, каракалпакского поэта Ажинияза, дестаны), трактаты по грамматике арабского языка, истории, образцы каллиграфии на отдельных листах и др. — на арабском и тюркском языках (чагатайском, татарском, каракалпакском). Особый интерес представляют рукописи, переписанные в XX в. (например, «История города Чимбая», ряд пьес и т.д.).

Anikeeva Tatyana A.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**On the collection of arabographic manuscripts
of the Karakalpak Institute of Humanities
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
(Nukus): its origin and structure**

Keywords: arabographic manuscripts, Karakalpakstan, book culture of the Aral Sea region, lithographs

In May 2021, in the course of work in the manuscript collection of the Karakalpak Institute of Humanities of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Nukus), a collection of manuscripts, lithographs, and old printed books consisting of new arrivals (the so-called “Chimbay”, the place of origin of most of the manuscripts) was identified, its scientific description was continued. According to the Institute's staff, Uzak Ramatullayev (born in 1920) collected more than three hundred manuscripts, books and lithographs and subsequently transferred this Chimbay collection to the Institute.

A preliminary list of manuscripts, lithographs, and old-printed books was compiled, and they were distributed by language, chronology, and subject. Among these manuscripts are works on Muslim dogmatics, Korans (and also fragments of Korans), poetic works (poems by Suleyman Bakirghani, Azhiniyaz, various destans, etc.), treatises on the grammar of the Arabic language, historical works, samples of calligraphy on separate folios, etc., in Arabic, Persian and Turkic languages. The manuscripts copied in the 20th century are of particular interest. A preliminary description of a number of the arabographic manuscripts received from the local Institute of history and ethnography was also carried out.

Банкова Л. Л.
(МГПУ)

**«Песня о двенадцати больших часах»:
структурообразующие параметры
и дискурсообразующие признаки**

Ключевые слова: структура и дискурс произведения, циклические знаки, Земные Ветви, китайский «большой час»

«Песня о двенадцати больших часах» (十二时辰歌) является китайским литературным памятником из города Дуньхуан в провинции Ганьсу, воспевающим тягу к знаниям. В задачи исследования входило определение структурообразующих параметров и дискурсообразующих признаков данного произведения с целью обеспечения его адекватного перевода.

Структура «Песни...» определена повествованием о двенадцати периодах в сутках, так называемых «больших часах», обозначаемых циклическими знаками Земные Ветви (地支), и соответствующих им действиях. Именно связь с человеческой деятельностью обусловила порядок следования Земных Ветвей: описание начинается не с первого по счету в комплекте циклического знака 0, а с 寅, то есть периода с 3 часов ночи до 5 часов утра. Затем циклические знаки расположены согласно своему обычному порядку, занимая место третьего иероглифа в строке.

Всего в «Песне...» двенадцать строк, по числу «больших часов» в сутках. Структура каждой строки, за исключением последней, одинакова и состоит из двух предложений. Ритмический баланс произведения обеспечивается равным количеством иероглифов в каждом из них (десять и четырнадцать соответственно).

Центральным дискурсообразующим признаком «Песни...», таким образом, является включение в ее композицию циклических знаков Земные Ветви. Кроме этого, характерными чертами

данного произведения являются: использование вэньянизмов, упоминание конфуцианских норм, обилие прецедентных имен собственных, употребление фразеологизмов, передающих ответственное отношение к учебе.

Bankova Lyudmila L.

(Moscow City University, Moscow)

**“The Song about Twelve Big Hours”:
structure-building characteristics
and discourse-forming features**

Keywords: structure and discourse of a written work, cyclical signs, Earthly Branches, Chinese “big hour”

“The Song about Twelve Big Hours ” (十二时辰歌) is a Chinese literary monument from the city of Dunhuang, in the province of Gansu, chanting the thirst for knowledge. The aims of the study included the determining of structure-building characteristics and discourse-forming features of the written work under analysis to provide its adequate translation.

The structure of “The Song...” is determined by the narration about the twelve periods of the day, the so-called “big hours”, denoted by cyclical signs known as Earthly Branches (地支) and the corresponding actions. It is the connection with the human activity that determined the order of occurrence of the Earthly Branches: the narration starts not with the first in succession cyclical sign — 子, but with 寅, i.e. from 3 to 5 o'clock a.m. Thereafter the cyclical signs are arranged in their normal order, occupying the position of the third character in the line.

In total there are twelve lines in “The Song...” — equal to the number of “big hours” in the day. The structure of every line is the same, except the final line, and consists of two sentences. The rhythmical balance of the masterpiece is provided by the equal number of characters in each sentence (ten and fourteen, accordingly).

Thus the pivot discourse-forming feature of “The Song...” is the incorporation of the Earthly Branches cyclical signs into its contexture. Moreover, the distinctive peculiarities of the masterpiece are as follows: the use of Classical Chinese elements, references to Confucian norms, an abundance of precedent proper names, the use of phraseologisms rendering responsible attitude towards learning.

Березкин Р. В.

(Фуданьский университет, КНР)

**Ханойское переиздание «Баоцзюань о Сяншани»
и его значимость в истории жанра *баоцзюань***

Ключевые слова: китайская песенно-повествовательная литература, *баоцзюань*, буддизм в Китае, Гуаньинь, народный ритуал

«Баоцзюань о Бодхисаттве Великого Милосердия с горы Сяншань» (大悲觀世音菩薩香山寶卷) является уникальным памятником китайской песенно-повествовательной литературы, который сохранился в переиздании 1772 г., сделанном в буддийском монастыре в Ханое. При этом в ханойском издании есть указание, что использовалось издание, напечатанное в Нанкине (б.д.). На основе сопоставления с другими редакциями «Баоцзюань о Сяншани» можно сделать вывод о раннем происхождении этого текста, что важно для интерпретации развития жанра *баоцзюань* (драгоценные свитки) в Китае в целом. Также этот текст показывает значительное влияние буддийских сюжетов и идей на сложение жанра *баоцзюань*. В контексте проповеди буддийского учения на примере истории жизни принцессы Мяошань — земного воплощения бодхисаттвы Гуаньинь, этот текст был перепечатан и во Вьетнаме. Он является примером распространения популярных аспектов китайского буддизма в Восточной Азии.

Berezkin Rostislav V.

(Fudan University, People's Republic of China)

**The Hanoi reprint of the *Precious Scroll of Xiangshan*
and its place in the history of *baojuan* genre**

Keywords: Chinese storytelling literature, *baojuan* (precious scrolls), Chinese Buddhism, Guanyin, popular ritual

“Precious Scroll of the Bodhisattva Guan[shi]yin of Great Compassion of Xiangshan” (*Da bei Guanshiyin pusa Xiangshan baojuan* 大悲觀世音菩薩香山寶卷) is a Chinese vernacular prosimetric text reprinted in Hanoi in 1772. It reproduced an undated Chinese edition, originally published in Nanjing. This edition, called the “Nanjing redaction”, was preserved only partially as a ritual manual in China. It provides important evidence for determining the early date of production of the text. By comparing features of form and content in the Nanjing redaction and in other redactions that circulated in China, it can be established that the Nanjing redaction is the earliest known to us. Its significance within the history of the *baojuan* genre is discussed, with special attention paid to the connections with the traditions of Buddhist proselytizing and ritual in China in the pre-modern period. This text was also transmitted to Hanoi in the context of Buddhist literature, thus representing a rare example of intercultural exchange in East Asia.

Берзон Е. М.
(ИВ РАН)

***Makkadunāya, šar Bābili*: Селевкиды и их роль
в политической и религиозной жизни
эллинистической Вавилонии**

Ключевые слова: эллинистическая Вавилония, Селевкиды

История царства Селевкидов зародилась в Вавилоне, и именно этот город стал первым политическим центром нового государства. Уступив вскоре это место новой столице — Селевкии-на-Тигре, Вавилон все еще продолжал занимать особое место в державе потомков Селевка. Как «цари Вавилона» Селевкиды имели определенные обязательства — исполнение надлежащих ритуалов, заботу о храмах и т.п. Однако в новых политических реалиях многое из этого едва ли могло быть реализовано, в связи с чем остается не вполне ясным, какую же роль на самом деле играли селевкидские правители в религиозно-политической жизни Вавилона. Данная проблема может быть раскрыта в следующих аспектах: 1) посещение царем и членами его семьи Вавилона; 2) личное участие правителя в вавилонских ритуалах; 3) проявление заботы о святилищах. Основываясь на данных клинописных источников эпохи эллинизма — хроник, исторических секций астрономических дневников и трех строительных надписей, можно резюмировать, что: а) несмотря на то, что цари из македонской династии лично посещали Вавилон достаточно редко, их регулярное взаимодействие с городом — персональное или через посредников — засвидетельствовано на протяжении почти всего периода селевкидского господства в Междуречье; б) по крайней мере Антиох I и Антиох III персонально и неоднократно участвовали в вавилонских храмовых ритуалах; в) реставрационные работы главных святилищ Вавилонии производились регулярно на протяжении всего III в. до н.э., причем под царской протекцией. Важно под-

черкнуть, что внимание Селевкидов к Вавилонии реализовывалось в большей степени в форме, соответствующей эллинистической практике взаимодействия полисов и монархии.

Berzon Ekaterina M.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Makkadunāya, šar Bābili: Seleucids in the political and religious life of Hellenistic Babylonia

Keywords: Hellenistic Babylonia, Seleucids

The history of the Seleucid kingdom began in Babylon, the first political center of the state. Some years later, Seleucia on the Tigris became the new capital of the region, but the city of Babylon continued to be a special place for the descendants of Seleucus. The Seleucids remained to be "the kings of Babylon" for their Babylonian subjects that in theory implied certain obligations such as participation in rituals, taking care of temples, etc. However, much of this can not be realized in the new political realities. It is not clear which role the Seleucid rulers actually played in the religious and political life of Babylon and how successfully they corresponded to the image of the "king of Babylon". It is proposed to consider this problem in the following aspects: 1) the visits of the kings or their relatives to Babylon; 2) personal participation of the ruler in Babylonian rituals; 3) royal patronage on Babylonian sanctuaries; 4) the king as the protector of Babylon. The cuneiform evidence of the Hellenistic period (chronicles, Astronomical Diaries, Seleucid building inscriptions) allow us to summarize that: a) the kings rarely visited Babylon in person, but their regular interaction with the city (personal or through intermediaries) is attested for almost the entire period of the Seleucid rule in Mesopotamia; b) at least two kings (Antiochos I and Antiochos III) personally participated in Babylonian temple rituals; c) restorations of the great sanctuaries of Babylonia was carried out under the royal

patronage throughout the 3rd century BC. It is important to emphasize that the attention of the Seleucids to Babylonia was realized to a greater extent in a form corresponding to the Hellenistic practice of interaction between the *poleis* and the monarchy.

Борлыкова Б. Х., Басанова Т. В.
(КалмГУ им Б. Б. Городовикова)

Сарт-калмыцкий эпос в записях А.В. Бурдукова¹

Ключевые слова: сарт-калмыки, эпос *Джангар*, А.В. Бурдуков, архивные материалы, перевод, научный архив КалмНЦ РАН

В основе исследования лежат архивные материалы Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН). Научный архив центра в настоящее время является уникальным хранилищем историко-культурного наследия монголоязычных народов. В нем хранятся полевые материалы, собранные сотрудниками института, а также известными монголоведами, в частности А.В. Бурдуковым. Среди материалов имеется текст сарт-калмыцкой версии эпоса *Джангар*, записанный в 1929 году А.В. Бурдуковым от Бакхи Сарпекова (1872 г.р.). В настоящее время сарт-калмыцкий язык относится к числу исчезающих монгольских языков, носителей практически не осталось, а на речь тех, кто немного помнит язык, большое влияние оказывает доминирующий киргизский. Текст сарт-калмыцкого *Джангара* — это яркий пример версий эпоса с разрозненными микросюжетами, состоящий из 2-3 связанных друг с другом частей, «осколок традиционных песен *Джангариады*». Перевод текста сарт-калмыцкой версии эпоса *Джангар* на русский язык впервые был осуществлен дочерью А.В. Бурдукова — Таисией Бурдуковой, позже в 2011 г. опубликован Т.Г. Басанговой. Подстрочный перевод эпоса на русский язык был опубликован Б.В. Меняевым и Б.Х. Борлыковой в периодическом издании *Mongolica*.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00537А.

Borlykova Boskha Kh., Basanova Tatiana V.
(the B.B. Gorodovikov Kalmyk State University)

The Sart-Kalmyk epic in the records of A.V. Burdukov

Keywords: Sart-Kalmyks, epic *Jangar*, A. V. Burdukov, archival materials, translation, research archive of KalmSC RAS

The article was based on archival materials from the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (KalmSC RAS). The research archive of the center is currently a unique repository of the historical and cultural heritage of the Mongol-speaking peoples. It contains field materials collected by the staff of the institute, as well as well-known Mongolian scholars, in particular A. V. Burdukov. Among the materials is the text of the Sart-Kalmyk version of the epic *Jangar*, written down in 1929 by A. V. Burdukov from Bakhi Sarpekov (born in 1872). Currently, the Sart-Kalmyk language is one of the endangered Mongolian languages, there are practically no speakers left, and the dominant Kyrgyz language has a great influence on the speech of those who remember the language a little. The text of the Sart-Kalmyk *Jangar* is a vivid example of versions of the epic with disparate micro plots, consisting of 2–3 parts connected, “a fragment of the traditional songs of Jangariada”. The translation of the text of the Sart-Kalmyk version of the epic *Jangar* into Russian was for the first time carried out by the daughter of A. V. Burdukov – Taisiya Burdukova, later published in 2011 by T. G. Basangova. An interlinear translation of the epic into Russian was published by B. V. Menyayev and B. Kh. Borlykova in the periodical *Mongolica*.

Зарубина Е. Д.
(ИВ РАН)

Сокращения как внутритекстовые операторы в рукописи устава Братства соблюдающих утро

Ключевые слова: сокращения, ׀׀, внутритекстовые операторы, рукописи

Задачей доклада является показать, что сокращение «упомянуто выше» (׀׀) и его вариант «как упомянуто выше» (׀׀׀) могут выступать в роли внутритекстовых операторов. Данное явление было зафиксировано при переводе первого устава Братства соблюдающих утро из Венеции (XVI-XVII вв.) и будет рассмотрено в докладе на материале текста данной рукописи.

Графические знаки разделения внутри текста рукописи используются нерегулярно (за исключением точки), что порождает сложности в интерпретации логических связей между частями объемных предложений. Сокращения, выступающие в роли внутритекстовых операторов, выполняют, в основном, две функции — разделительную и указательную. С их помощью можно как разделить текст на смысловые отрезки, так более точно интерпретировать логические отношения между отдельными частями предложения.

В некоторой доле случаев сокращение «упомянуто выше» (׀׀) теряет свой лексический смысл, продолжая выполнять разделительную и выделительную функции. Данный тип сокращений также не может быть отнесен к формульным — таким, как, например, «благословенна его память» (׀׀), поскольку не несет дополнительного (передача вежливого и/или уважительного отношения) смысла в дополнение к технической функции.

Для еврейских рукописей досовременного периода довольно характерно нерегулярное использование знаков препина-

ния, как следствие, в них распространены длинные, состоящие из многих частей предложения, связи между которыми сложно реконструировать. Понимание функций, которые могут выполнять сокращения, подобные א"ל, является одним из ключевых факторов для реконструкции таких связей и, в конечном счете, адекватной интерпретации текста рукописи.

Zarubina Yevgenia D.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Abbreviations as text operators in the manuscript of *Hevrat Shomerim la-Boker* fraternity charter

Key words: abbreviations, א"ל, text operators, manuscripts

The paper aims to show the usage of abbreviation “above-mentioned” (א"ל) and its variant “as mentioned above” (ל"כ) as a text operator. The translation of the first charter of Hevrat Shomerim la-Boker fraternity from Venice (16-17th centuries) has revealed the existence of such usages which are analyzed in the paper using the examples from this manuscript.

Graphic separating characters appear irregularly in the manuscript text (with exception of the “period” sign), complicating the interpretation of the logical connections between the sections of lengthy sentences. Abbreviations serving as text operators most commonly have two functions, namely, separatory and indicatory. Considering the appearance of abbreviations, the reader can both distinguish between semantic sections in sentence structure and accurately interpret the connections between separate clauses in a lengthy sentence.

Several cases show that the abbreviation “above-mentioned” (א"ל) also tends to lose its immediate semantic sense while still performing its separatory and indicatory functions. This type of abbreviations cannot be defined as honorifics like, for instance, “of blessed

memory" (ל"י), too, as it does not convey the meaning of courtesy and/or respect in addition to its separatory or indicatory function.

The irregular use of the punctuation marks is quite characteristic of premodern Jewish manuscripts, as a result, lengthy, multi-sectioned, and consequently difficult to interpret sentences are common. Understanding the role of abbreviations like ל"י in sentences is one of the key factors in the reconstruction of the semantic relationship between sentence clauses, and, ultimately, in the adequate interpretation of the manuscript text.

Илюшина М. Ю.
(НИУ ВШЭ, С.-Петербург)

**Документы в египетских нарративных источниках
мамлюкского периода (1250–1517):
специфика и критика.**

Ключевые слова: Египет, Мамлюкский султанат, архивные документы, нарративные источники

Значительная часть мамлюкских архивных документов утрачена. Сохранившиеся коллекции, как правило, скудны, труднодоступны или имеют ограниченный тематический охват. Вместе с тем, исследователи располагают разнообразными и многочисленными нарративными источниками, созданными в эпоху правления мамлюкских султанов, когда Египет стал признанным центром мусульманской учености. Авторы этих источников нередко включали в свои сочинения копии или шаблоны документов, а иногда составляли из них целые антологии.

Тексты документов, которые содержатся в нарративных источниках, дают представление об утраченных архивных подлинниках. Основная проблема их интерпретации состоит в том, чтобы установить, насколько точно эти тексты соответствуют итоговой версии документа, и оценить вероятность самого существования итоговой версии — утраченного подлинника. На примере анализа трех редакций одного из дипломатических документов мамлюкского периода будет продемонстрирована попытка решить эту задачу.

Ilyushina Milana Yu.

(National Research University Higher School of Economics,
St.Petersburg)

**Mamluk Documents in Egyptian Narrative Sources
from 13th–15th centuries: inquiry and analysis**

Keywords: Egypt, Mamluk sultanate, archival documents, narrative sources

The vast majority of the Mamluk archival documents have not been preserved. The surviving collections are usually scarce, difficult to access or have limited thematic coverage. Meanwhile, a wide variety of narrative and normative sources created during the reign of the Mamluk sultans (1250–1517) in Egypt is available. Numerous historical and geographical works, enormous encyclopædias, and chancery manuals preserve copies, drafts, or samples of original documents which are not extant. These materials deserve to be thoroughly critiqued as much as to be explored. A study of a Mamluk document, preserved in the different narrative sources, will demonstrate a line of inquiry to establish the content of the original document, and to analyze its significance, whether a final version was eventually issued by the sultan's chancery or not.

Казакевич О. А.
(ИЯз РАН; РГГУ)

Смерть в языке и фольклоре северных селькупов

Ключевые слова: северные селькупы, фольклорные тексты, истории жизни, описание смерти, воскрешение умершего

В докладе рассказывается о способах описания смерти в автобиографических рассказах и фольклорных текстах северных селькупов на материале корпуса фольклорных и бытовых текстов (120000 словоупотреблений, записи 1925–2015).

Существует селькупский глагол *qu-qo* ‘умереть’, но в корпусе он встречается редко: *mafim qu-qo-no:qo po:-t tɔ:pi-nti omt-ælti-si-lij*

1SG умереть-INF-POSS.1SG дерево-GEN осно-
вание-ILL сесть-TR-PST-2DU.OBJ

‘Вы двое меня у подножья дерева посадили, чтобы я умер’.

Если говорится не о потенциальной, а о реальной смерти человека, обычно используется эвфемизм *urrɛ:-qo* ‘потеряться’:

ni:ni imiɫa urrɛ:-s-a

потом бабушка потерять-PST-3SG.SBJ

‘Потом бабушка умерла (букв. потерялась)’

Живой человек воспринимает окружающее (слышит) и дает другим воспринять себя (говорит). Не слышащий и не говорящий подобен умершему. В богатырских легендах находим формулу описания гибели поверженного врага: *se:-kɔ:l qo:-kɔ:l* ‘не говорит, не слышит (букв. без языка, без ушей)’.

Смерть близкого стандартно описывается как одиночество оставшегося:

peɫi-kɔ:l ε:-j-a i:ja-kɔ:lε:-j-a
потра-ira

товарищ-CAR быть-EP-3SG.SBJ сын-CAR быть-
EP-3SG.SBJ эвенк-мужчина

‘Эвенк одинок (букв. без товарища), без сына’

Для обозначения умерших, в первую очередь, родственников имеется деривационный аффикс *tʃ:psɪ: iʌtʃa* ‘дед’ – *iʌtʃa-tʃ:psɪ* ‘покойный дед’.

Умерший может быть воскрешен, но это под силу только большому шаману. В заключение приводится описание воскрешения из легенды о шаманских войнах (записано в 1925 г.).

Kazakevich Olga A.

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Russian State Humanitarian University)

Death in the language and folklore of the Northern Selkups

Keywords: northern Selkups, folklore texts, life stories, description of death, resurrection of the deceased

The paper deals with the methods of describing death in autobiographical stories and folklore texts of the northern Selkups based on the material of the corpus of folklore and everyday texts (120,000 word usage, records 1925–2015).

There is a Selkup verb *qu-qa* ‘to die’, but it is rare in the corpus: *mafim qu-qa-no: qa po: -t tɔ: pi-nti omt-ælti-si-lij*

1SG die-INF-POSS.1SG tree-GEN base-ILL sit-TR-PST-2DU.OBJ

‘You two planted me at the foot of a tree to die’ {{1}} If we are talking not about potential, but about real death of a person, the euphemism *yrre* is usually used: *yrre:-qa* ‘get lost’:

ni: ni imiʎa yrre: -sa

then grandmother get lost-PST-3SG. SBJ

‘Then the grandmother died (literally “lost”)’

A living person perceives the environment (hears) and allows others to perceive himself (speaks). He who does not hear and does not speak is like the dead. In heroic legends, we find the formula for describing the death of a defeated enemy: *se:-kɔ:l qo:-kɔ:l* 'does not speak, does not hear (literally, without language, without ears)'.

The death of a loved one is standardly described as loneliness remaining:

pɛli-kɔ:l ɛ:-ja i:ja-kɔ:l ɛ:-ja pompa-ira

comrade-CAR be-EP-3SG.SBJ son-CAR be-EP-3SG.SBJ Evenk-male
'Evenk is lonely (literally without a friend), without a son'

To denote the deceased, first of all, relatives, there is a derivational affix *tʃɔ:* *psi: iʎtʃa* 'grandfather' — *iʎtʃa-tʃɔ:* *psi* 'late grandfather'.

The deceased can be resurrected, but only a great shaman can do that. In conclusion, a description of the resurrection from the legend of the shamanic wars (recorded in 1925) is given.

Лахути Л. Г.
(ИВ РАН)

**Алхимия души
в трактате Абу Хамида Газали «Эликсир счастья»
и маснави Фарид ад-Дина 'Аттара *Илахи-наме***

Ключевые слова: суфизм; Абу Хамид Газали; *Кимийа-йи са'адат*; Фарид ад-Дин 'Аттар; *Илахи-наме*; алхимия

В докладе сопоставляются поэма-маснави знаменитого суфийского поэта Фарид ад-Дина 'Аттара (XII–XIII вв.) *Илахи-наме* «Божественная книга» и трактат *Кимийа-йи са'адат* «Эликсир счастья» Абу Хамида Газали (XI–XII вв.), влиятельного ученого, законоведа, теолога, оказавшего огромное воздействие на последующее развитие суфийского учения. В своем трактате ал-Газали последовательно излагает учение, следование которому, по его словам, должно было совершить духовную трансмутацию, то есть привести «человеческую суть, принадлежащую низшим животным, до чистоты и утонченности ангелов для обретения вечного счастья»¹. В поэме 'Аттара последовательно обсуждаются шесть желаний, присущих человеку, — это любовь, магия, знание, бессмертие, власть и алхимия, а завершается повествование рассказом о «подлинной алхимии», то есть духовной трансмутации низшей души (*нафса*) человека.

В обоих произведениях использована алхимическая символика: *kīmīyā* означает и алхимию, и цель трудов алхимиков — философский камень, с помощью которого должна совершиться трансмутация низших веществ в высшие; при этом предполагалось, что алхимическое преобразование затрагивает все уровни мироздания и неотделимо от очищения души. Сопоставитель-

¹ *Ал-Газали Абу Хамид Мухаммад ал-Туси*. Кимийа-йи са'адат (Эликсир счастья). Ч. 1. Перев. с перс., введ., коммент. и указатели А. А. Хисматулина. СПб., 2002: 2–3.

ный анализ двух названных произведений показывает, что *Илахи-наме* ‘Аттара не только содержит многие сюжеты, восходящие, по всей очевидности, к трактату ал-Газали, но и в целом может оказаться откликом на него.

Lahuti Leyla G.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The alchemy of soul in the *Kimiya-yi Sa‘adat* of Abu Hamid Ghazali and the *Ilahi-nameh* of Farid al-Din ‘Attar

Keywords: Sufism; Abu Hamid Ghazali; *Kimiya-yi Sa‘adat*; Farid ad-Din ‘Attar; *Ilahi-nameh*; alchemy

The paper deals with two important Persian medieval texts: the Mathnavi poem of the famous Sufi poet Farid al-Din ‘Attar (12–13th ct.) *Ilahi-nameh* “Divine Book” and the prosaic treatise *Kimiya-yi sa‘adat* “The Alchemy of Happiness” by Abu Hamid Muḥammad al-Ghazali (11–12th ct.), an influential scientist, lawyer, theologian who had a tremendous impact on the subsequent development of Sufi teachings. In his treatise, al-Ghazali consistently sets out the doctrine, which was supposed to accomplish spiritual transmutation, that is, to bring “the human lower (animal) essence to the purity and refinement of angels for gaining eternal happiness”¹. In ‘Attar’s poem, six desires inherent in man are sequentially discussed – which are love, magic, knowledge, immortality, power, and alchemy. The narrative ends with a story about the “true alchemy”, that is, the spiritual transmutation of the lower soul (*nafs*) of the human being.

In both works, alchemical symbolism is used: *kīmīyā* means both alchemy, and the goal of the efforts of alchemists, namely the philosopher’s stone, which should provide the transmutation of lower sub-

¹ Al-Ghazali Abu Hamid Muhammad al-Tusi. *Kimiya-yi sa‘adat* (Elixir of Happiness). Part 1. Transl. from pers., introd., comment. and indices by A. A. Khismatulin. SPb., 2002: 2–3.

stances into higher ones; it was assumed that alchemical transformation affects all levels of the universe and is inseparable from the purification of the soul. A comparative analysis of the two named works aims to show that "Ilahi-nameh" not only contains many plots, apparently going back to the treatise of al-Ghazali, but in general may be a response to it.

Лахути С. В.
(РГГУ, ИВ РАН)

Материальные аспекты литературных писем в *Шах-наме* Абулькасима Фирдоуси

Ключевые слова: Фирдоуси, эпистолярная коммуникация, материальная культура, *Шах-наме*, письма

Поэма *Шах-наме* Абулькасима Фирдоуси (X–XI вв.) включает более трехсот эпизодов с описанием ситуаций опосредованной коммуникации. Приблизительно половина из них описывает письменную коммуникацию, в основном, между представителями высшей знати и правителями как Ирана и его областей, так и других стран. Такие фрагменты помимо содержания послания могут включать и описания физических характеристик писем, интересных как с точки зрения истории материальной культуры самой по себе, так и с точки зрения соотношения внешнего вида письма с содержанием и интенцией переписки. Невербальная сторона обмена посланиями царей и знати в традиционной персидской культуре имеет не меньшее значение, чем непосредственно текст посланий, и так же работает на достижение отправителем его коммуникативной цели. В докладе обсуждается, какие материалы, используемые при написании посланий, упоминаются в *Шах-наме*, как в тексте поэмы представлен результат трудов писца, как внешний вид коррелирует с содержанием послания. Также привлекаются описания писем и процесса их оформления из «Трактата о каллиграфах и художниках» Казии Ахмада, «Собрания редкостей, или Четыре беды» Низами 'Арузи Самарканди и др.

Lahuti Sofia V.

(Russian State University for the Humanities,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**Material aspects of literary letters
in Abulqasim Ferdowsi's *Shah-nameh***

Keywords: Ferdowsi, epistolary communication, material culture, *Shah-nameh*, letters

Abu'l-Qasim Ferdowsi's poem *Shah-nameh* (10–12th cts.) contains more than 300 episodes describing mediated communication. Roughly half of them describe written communication, mainly between aristocracy and rulers of Iran and its regions and other countries. The fragments, apart from the letters' content, can include descriptions of letters' physical characteristics. It is noteworthy from the material history point of view as well as the correlation with the content and author's intentions. Non-verbal aspects of the letter exchange between kings and aristocracy are no less important in the traditional Persian culture than its content, and also help the sender to achieve his or her communicative goals. The paper discusses the material used in the composition of letters in *Shah-nameh*, the way the resulting letter is presented in the poem, the correlation between the content and appearance of the letter. References are made to other works containing the descriptions of letters and the process of their creation, viz. "A Treatise on the Calligraphers and Painters" by Qazi Ahmad Ibrahimi Qumi, "The *Chahár Maqála*, or Four Discourses" by Nizami 'Aruzi Samarqandi, etc.

Лидова Н. Р.
(ИМЛИ РАН)

Концептуализация представлений о «вкусе» (*rasa*) в древней Индии

Ключевые слова: физиология вкуса, психология вкуса, эстетический вкус, чувство, ощущение, *Ригведа*, *Аюрведа*, *Чарака-самхита*, ритуал, *сома*, *раса*

В докладе будет рассмотрена сравнительно редко обсуждаемая тема развития представлений о вкусе в древнеиндийской традиции. Будет показано, как древнейшее, зафиксированное в *Ригведе* восприятие вкуса *сома* (*сома-раса*) как сакрального напитка, приготавливаемого и употреблявшегося по ходу ведийских ритуалов, трансформировалось, с одной стороны, в освященную традицией *Аюрведы* дифференциацию шести основных физиологических вкусов (сладкий, кислый, соленый, острый, горький и вяжущий), а с другой — в систему представлений о вкусе как эстетическом переживании и восприятии искусства как «вкушения», благодаря чему *раса* стала одной из базовых категорий древнеиндийской эстетики.

Lidova Natalia R.

(Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

The Conceptualization of “Taste” (*rasa*) in Ancient India

Keywords: physiology of taste, psychology of taste, aesthetic taste, feeling, senses, *Rgveda*, *Āyurveda*, *Caraka-Saṃhitā*, ritual, *soma*, *rasa*

The paper investigates the development of ideas concerning the nature of taste in the ancient Indian tradition. It demonstrates how the most ancient perception of taste, recorded in the *Rgveda* as the taste of *soma* (*soma-rasa*) — the sacred drink prepared and con-

sumed in the course of Vedic rituals, evolved and received a set of additional meanings. On the one hand, *rasa* was used by the teachers of *Āyurveda* to define six sub-modalities engaged in the process of gustation (sweet, sour, salty, pungent, bitter, and astringent), and, on the other, it started to reflect the ideas of taste as an aesthetic experience, influencing the concomitant terminology which described the process of art perception as "savoring". As the result, *rasa* became one of the fundamental categories of ancient Indian aesthetics.

Меняев Б. В.

(КалмГУ им. Б. Б. Городовикова)

Коллекция письменных памятников на ойратском языке из Улан-Хольского хурула Калмыкии¹

Ключевые слова: ойратская рукопись, частная коллекция, коллекция хурула, ойратский перевод, транслитерация

В докладе дается описание коллекции Улан-Хольского хурула (храма) в Лаганском районе Калмыкии. В апреле 2013 г. мы произвели первичное обследование книжной коллекции хурула, а именно ее ойратской части, поступившей в хурул от родственников бывших священнослужителей, проживавших в селе Улан-Хол. Основная часть рукописных книг принадлежали Цагану Атхаеву (монашеское имя – *Нгаванг Чопел*) и была передана его детьми при открытии храма. В коллекцию входят буддийское каноническое сочинение *Ваджраччхедика праджняпарамита сутра*, сборник рассказов о пользе чтения *Ваджраччхедики-праджня-парамиты сутры*, обрядовые тексты, читаемые при совершении ритуала «Отрезание черного языка», послания-пророчества, а также большой корпус текстов астрологических сочинений, таблиц и календарей, которые были составлены владельцем коллекции Цаганом Атхаевым. В докладе также дается описание автографов Ц. Атхаева, которые были переписаны им с источников, хранящихся в рукописных коллекциях других священнослужителей. Автором доклада были выполнены транслитерация и перевод на русский язык письменного памятника «Поучение Богдо Далай-ламы» (ойр. *Boqdo*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в рамках исследовательского проекта «Коллекция ойратских рукописей хурулов Лаганского района Республики Калмыкия: создание электронной базы данных».

Dalai blamayin zarliq). Перед описанием коллекции автором дана краткая биография Цагана Атхаева и высказывается мнение, что рукописи и ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях, могут пролить свет на историю культуры и религии у калмыков.

Menyaev Badma V.

(the B.B. Gorodovikov Kalmyk State University)

Collection of written monuments in the Oirat language from the Ulan-Khol Khurul of Kalmykia¹

Keywords: oirat manuscript, private collection, hurul collection, oirat translation, transliteration.

The paper presents the collection of the Ulan-Khol khurul (temple) in the Lagansky region of Kalmykia. In April 2013, we carried out an initial survey of the book collection of the khurul, namely its Oirat part, which entered the khurul from the relatives of former priests living in the village of Ulan-Khol. Most of the handwritten books belonged to Tsagan Atkhaev (monastic name – *Ngawang Chopel*) and were passed on by his children at the opening of the temple. The collection includes the Buddhist canonical essay *Vajrachhedika Prajna Paramita Sutra*, a collection of stories about the benefits of reading *Vajrachhediki Prajna Paramita Sutras*, ritual texts read during the "Cutting off the Black Tongue" ritual, messages-prophecies, as well as a large body of texts, astrological essays, tables, and calendars, compiled by the owner of the collection, Tsagan Atkhaev. The paper also comprises a description of Ts. Atkhaev's autographs, which he copied from sources stored in the manuscript collections of other clergymen. The paper's author carried out a trans-

¹ The research was carried out with the financial support of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University within the framework of the research project "Collection of Oirat manuscripts of Khuruls of the Lagansky district of the Republic of Kalmykia: creation of an electronic database".

literation and a translation into Russian of the written monument "The Teachings of the Bogdo Dalai Lama" (Oir. *Boqdo Dalai blamayin zarliq*). The collection description is preceded by a short biography of Tsagan Atkhaev where the paper's author expresses the opinion that manuscripts and woodcuts kept in private collections can shed light on the history of culture and religion among the Kalmyks.

Микульский Д. В.
(ИВ РАН)

**Южнойеменский историк и поэт
Ахмад Фадл б. ‘Али Мухсин ал-‘Абдали (1881–1943)
о ходе Первой мировой войны на территории
Южного Йемена**

Ключевые слова: Южный Йемен, Лахдж, арабская историография, арабская культура Нового и Новейшего Времени, Ахмад Фадл б. ‘Али Мухсин ал-‘Абдали

Ахмад Фадл б. ‘Али Мухсин ал-‘Абдали — видный деятель южнойеменской культуры конца XIX – первой половины XX в. События, связанные с падением и освобождением Лахджа во время Первой мировой войны, Ахмад Фадл ал-‘Абдали описывает в XVI–XIX главах своего исторического труда по истории родного султаната — *Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан*. Основой его повествования являются сжатые сообщения. Факты, сообщаемые в них, иллюстрируются сообщениями другого жанра — беллетризованными историческими повествованиями. Нередко подобные пассажи записаны автором-составителем со слов очевидцев. Поэтому в них весьма ярко показан трагизм положения, в котором оказались подданные султана, как знатные, так и простые люди: они подвергались притеснениям не только со стороны османских турок, но и со стороны своих «собратьев», йеменских арабов. Помимо того, ал-‘Абдали включает в текст повествования стихотворные отрывки (исконный элемент арабского исторического повествования), а также приводит исторические документы.

Таким образом, повествование ал-‘Абдали о бедствиях, пережитых родным краем, — это яркое свидетельство очевидца, облеченное в традиционные для арабской историографии повествовательные формы.

Dmitri V. Mukulski

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**South Yemenite historian and poet
Ahmad Fadl b. ‘Ali Muhsin al-‘Abdali (1881–1943)
on the course of World War I in the territory
of South Yemen**

Keywords: South Yemen, Lahdj, Arabic history writing, modern and contemporary Arabic culture, Ahmad Fadl b. ‘Ali Muhsin al-‘Abdali

Ahmad Fadl b. ‘Ali Muhsin al-‘Abdali is a prominent figure in the South Yemeni culture of the late 19th – first half of the 20th century. The events related to the fall and liberation of Lahj during the World War I are described by Ahmad Fadl al-‘Abdali in chapters XVI–XIX of his historical work on the history of his native sultanate – *Hadiyat al-zaman fi akhbar muluk Lahj wa ‘Adan*. Its narrative is based on concise messages. The facts reported in them are illustrated by messages of another genre, viz. fictionalized historical narratives. Such passages were often recorded by the author-compiler according to eyewitnesses. Therefore, they show very clearly the tragedy of the situation in which the subjects of the Sultan, both noble and ordinary people, found themselves: they were subject to oppression not only by the Ottoman Turks, but also by their “brothers”, the Yemeni Arabs. In addition, al-‘Abdali includes verse passages in the text of the narrative (an original element of the Arab historical narrative) and also cites historical documents.

Thus, al-‘Abdali’s narration about the calamities experienced by his native land is a vivid eyewitness account, clothed in narrative forms traditional for Arab historiography.

Мишин Д. Е.
(ИВ РАН)

**Ещё раз о *Шах-наме*
как об историческом источнике**

Ключевые слова: Фирдоуси, *Шах-наме*, ад-Динавари, Сасаниды

«Книга о царях» (*Шах-наме*) Фирдоуси — важный источник по истории доисламского Ирана, однако, поскольку она представляет собой прежде всего художественное произведение, в каждом случае необходимо задаваться вопросом, чего больше в данном фрагменте — исторических реалий или вымысла автора. Для изучения того, как работал Фирдоуси, целесообразно рассмотреть один фрагмент, в котором фигурируют малоизвестные исторические деятели, а именно: описание совещания знати после смерти царя Йездигерда I (420 г.) о будущем наследнике престола. В таком фрагменте вероятность появления вымысла довольно велика. Но сравнение текста Фирдоуси с известиями параллельного источника, трактата ад-Динавари, показывает, что имена вельмож не вымышлены, а взяты из неизвестного нам общего источника (параллели: Гистам — Бистам, Карен, сын Гушаспа — *пайгосбан* Язд-Гушасп, Милад — Михран, писец Гушасп — писец Гушнасадарвиш). Очевидно, Фирдоуси скорее пересказывает сообщение источника, допуская вымысел только в деталях.

Mishin Dmitri E.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**Once more on Firdawsi's *Shah-nameh*
as a historical source**

Keywords: Firdawsi, Ferdowsi, *Shah-nameh*, al-Dinawari, Sasanids

The “Book of Kings” (*Shah-nameh*) by Firdawsi, otherwise Ferdowsi, is an important source for the history of Iran, but since it is primarily a work of art, it must be considered at each instance whether the fragment in question reflects the reality or is a product of the poet’s phantasy. To see how Firdawsi worked, it is useful to study his description of a council held by Sasanid magnates following King Yazdgard I’s death (420) to discuss the candidate for the throne succession. The magnates are poorly known, so it may be assumed that their names and the story itself are fictitious. However, a comparison of Firdawsi’s narrative with a parallel source, the text of al-Dinawari, suggests that the magnates’ names are taken from a source common to both writers rather than imagined (the parallels are: Gi-stahm – Bistam; Qarin, son of Gushasp – *payghosban* Yazd-Gushasp, Milad – Mihran, scribe Gushasp – scribe Gushnasadharwesh). So, Firdawsi versified the narration of his source, only allowing for imagination in details.

Муртазин М. Ф.
(ИМЭМО РАН)

Значение отдельно читаемых букв в зачинах коранических сур в соответствии с *Тафсиром* ат-Табари

Ключевые слова: Коран, сура, аят, *тафсир*, *хуруф мукатта'а*

1. 29 сур Корана начинаются с так называемых *хуруф мукатта'а* — «раздельно читаемых букв», которые являются предметом богословской, филологической и религиоведческой дискуссии вплоть до настоящего времени.

2. На слайде показаны суры, варианты сочетания раздельно читаемых букв и их транскрипция в различных сурах.

3. Взгляды мусульманских богословов на варианты чтения и их место в структуре сур.

4. Варианты истолкования раздельно читаемых букв *муфассирами* и мнения востоковедов об их значении.

5. Варианты толкования раздельно читаемых букв, приведенные в *Тафсире* ат-Табари на основании хадисов:

- варианты наименования Корана;
- названия сур;
- имена Аллаха;
- буквы алфавита, которая являются аббревиатурой имен и названий;
- цифровое обозначение сур;
- эмоционально-окрашенные восклицания, предназначенные слушателям.

6. Мнение ат-Табари по вопросу толкования раздельно читаемых букв: Правильным утверждением о толковании начальных букв сур, которые являются буквами алфавита, по моему мнению, является следующее: Аллах сделал их раздельно читаемыми буквами и не соединил их друг с другом, не сделав их речью, в которой буквы читаются в составе слов, потому

что Он пожелал через них указать на то, что каждая буква имеет многочисленные значения, а не одно.

Murtazin Marat F.

(Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences)

Meanings of separated letters at beginnings of Qur'anic suras according to *Tafsir* of Tabari

Keywords: Qur'an, sura, ayat, *tafsir*, *huruf muqatta'a*

1. 29 suras of the Qur'an begin with separated letters – *huruf muqatta'a* because they are pronounced by their names. Those letters have been a subject of theological, philological, and religious discussions for hundreds of years till nowadays.

2. The tables on slides show the suras with these letters, their classification, and variations.

3. Opinions of Muslim scholars on the pronunciation and meaning of these letters.

4. Different explanations-*tafsir* of their meanings and origins, produced by orientalist.

5. Different explanations-*tafsir* of their meanings in the *Tafsir* by Tabari:

- various titles of Qur'an;
- titles of suras;
- names of Allah;
- abbreviations of human names and names of subjects;
- numerical explanation;
- exclamations and emotional expressions addressed to the listeners.

6. The attitude of Tabari to the explanation of their meanings is as follows: The true statement in explaining of their meanings as al-

phabetical letters is that Allah has created them to be pronounced separately by their names, not sounds, because these letters are written separately. They are not read as words neither as text. Allah ordered these letters to be understood in numerous meanings.

Никитенко Е. Л.
(ИВКА НИУ ВШЭ)

«Завещания шахидов» времен ирано-иракской войны 1980–1988 гг.: общее и индивидуальное

Ключевые слова: завещания шахидов, автобиографический нарратив, Иран

Практика составления завещаний (*васийат-наме*) накануне оборонительных и наступательных операций во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. среди иранских солдат носила официальный характер. И в годы войны, и после ее окончания завещания активно использовались в государственной пропаганде. В Иране до сих пор идет работа по изданию завещаний: Фонд шахидов и ветеранов выпускает серию «Полное собрание завещаний павших в бою», в которой каждой провинции отводится один или несколько томов.

В своих завещаниях участники боевых действий обращаются не только к членам своей семьи. Зачастую они адресуют отдельные пассажи всем мусульманам Ирана. Обыкновенно такие обращения носят дидактический характер. Большинство завещаний содержит один и тот же набор стандартных тем и идей, однако некоторые тексты включают пассажи, необычные как для «завещаний шахидов», так и для примеров персоязычного автобиографического нарратива в целом.

В ходе доклада будет рассмотрена практика создания завещаний в персидской культуре. Будет предложен анализ структуры завещаний, приведен список общих для большинства завещаний тем, идей и клише, и рассмотрены отдельные нестандартные случаи. Завещания шахидов будут сопоставлены с другими образчиками автобиографического нарратива в персидской культуре.

Nikitenko Yevgenia L.

(Institute for Oriental and Classical Studies,
National Research University Higher School of Economics)

**The testimonies of the martyrs of the Iran-Iraq war:
common and individual features**

Keywords: testimonies of the martyrs, autobiographical narrative, Iran

Making wills, or testimonies (*vasiyat-nameh*), before a defensive or offensive operation, was an official practice in the Islamic Republic of Iran in the course of the Iran-Iraq war (1980–1988). During the war period and in the post-war years, the testimonies have been frequently used in state propaganda. A book series containing collections of the testimonies of the war martyrs is still being published in Iran by the Shahid and War Veterans Foundation. The testimonies are organized according to the province of origin of the combatants, with one or more volumes for each of the 31 provinces that make up the Islamic Republic.

The testimonies written by combatants were addressed not only to their family members. Certain passages were addressed directly to all their Muslim fellow countrymen. Most of these passages are of a didactic nature. Most of the texts share the same set of themes and ideas, but some of the testimonies include passages that are unusual both for a *vasiyat-nameh* and for Persian autobiographical writings in general.

The paper will examine the practice of writing a personal testimony in the years of the Iran-Iraq war and its historical roots. The results of the text structure analysis, as well as the list of the most common themes, ideas, and clichés will be provided; several exceptional cases will be considered separately. The testimonies of the martyrs will be compared with other examples of autobiographical narratives in Persian culture.

Полхов С. А.
(ИВ РАН)

Мятеж Араки Мурасигэ против Ода Нобунага в *Синтё:-ко: ки*

Ключевые слова: Синтё:-ко: ки, О:та Гю:ити, Араки Мурасигэ, мятеж, Ода Нобунага

Образ Ода Нобунага и других исторических деятелей конца периода Сэнгоку — начала периода Адзуты — Момояма в современной академической науке и массовом сознании во многом сложился под влиянием нарратива хроники *Синтё:-ко: ки* (信長公記), составленной на рубеже XVI–XVII вв. О:та Гю:ити (太田牛一, 1527–1613?), вассалом Ода Нобунага. *Синтё:-ко: ки* — один из главных источников, описывающих мятеж в 1578–1579 гг. Араки Мурасигэ, могущественного вассала Нобунага и властителя провинции Сэтцу. В хронике *Синтё:-ко: ки* Араки Мурасигэ изображён весьма пристрастно. Мурасигэ, изначально являвшийся одним из главных вассалов влиятельного военного дома Икэда, превращается в выходца из «холопов». Перед глазами читателя возникает образ коварного предателя и неблагодарного вассала, поднявшего бунт против щедрого и мудрого господина — Ода Нобунага. В хронике победа Нобунага, которому покровительствуют высшие силы, детерминирована с самого начала. Само предательство Араки автор хроники называет «небесной карой», его постигшей (*тэмбацу* 天罰). В целом портрет «предателя» используется в «Записях», чтобы подчеркнуть могущество «объединителя Японии» и неминуемость его триумфа над недругами, а также очернить его врагов.

Polkhov Svyatoslav A.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**The Rebellion of Araki Murashige against Oda Nobunaga
in *Shinchō-kō ki***

Keywords: Ōta Gyūichi, *Shinchō-kō ki*, Araki Murashige, rebellion, Oda Nobunaga

Chronicle *Shinchō-kō ki* (信長公記), probably compiled at the turn of the 16–17th centuries by Ōta Gyūichi (1527–1613?), a vassal of Oda Nobunaga, is generally considered a very reliable historical source. The images of Nobunaga and other historical figures of the late Sengoku period – Azuchi–Momoyama period in modern academic science and mass consciousness was greatly influenced by this narrative. *Shinchō-kō ki* includes some key data on the rebellion of Araki Murashige, a powerful vassal of Nobunaga and lord of the Settsu province (1578–1579). In the chronicle, Murashige, who was originally one of the main vassals of the influential military house of Ikeda, is said to be a man of servile origin, exalted by Nobunaga to a higher status. In addition, according to *Shinchō-kō ki* the province of Settsu was granted by Nobunaga to Araki Murashige, whereas in reality, Murashige subdued Settsu on his own without Nobunaga's direct help. Before the eyes of the reader, the image of an insidious traitor and an ungrateful vassal who raised a rebellion against a generous and wise master arises. In general, the portrait of the «traitor» is used in *Shinchō-kō ki* to denigrate the enemies of *tenkabito* (天下人) Nobunaga, as well as to emphasize his inevitable triumph over the enemies.

Рейснер М. Л.
(ИСАА МГУ)

О «стандартных зачинах» в персидской классической газели X–XIV вв.

Ключевые слова: персидская классическая газель, поэтическая форма, стандартный зачин, поэтические клише

В складывании персидской классической газели как формального и тематического жанрового единства участвовали в первую очередь композиционные аспекты. Начало и концовка в газели организуются по определенным правилам, что позволяют причислить ее к поэтическим формам. Газель, начав развитие как содержательная категория арабской поэтики (любовной лирики), в персидской поэзии в течение двух веков переместилась в категорию форм, обретя стандартный способ обозначения концовки стихотворения, обеспечивший замкнутость структуры — авторское имя в последнем стихе (*макта*). В области маркировки открывающего стиха газели (*матла*), регламентируемого фигурой «красота начала», вырабатывались более вариативные, но столь же клишированные модели.

Первый этап истории персидской газели еще связан с арабской традицией, и ее «зачины» имеют аналоги в *насибах* (любовных зачинах) касыд. На втором этапе с появлением суфийской газели начинается расхождение в репертуаре стандартных формул начала касыд и газелей.

Reysner Marina L.

(Institute of Asian and African Studies, Moscow State University)

About the 'standard beginnings' in the Persian classical *ghazal* of the 10–14th centuries

Keywords: Persian classic *ghazal*, poetic form, standard beginning, poetic clichés

Compositional aspects were primarily involved in the formation of the Persian classical *ghazal* as a formal and thematic genre unity. The beginning and the end of the *ghazal* are organized according to appointed rules, which make it possible to classify it as poetic forms. The *ghazal*, having begun its development as a thematic category of Arabic poetics (love lyrics), in Persian poetry for two centuries moved into the category of form, having acquired a standard way of designating the end of a poem, which provided a closed structure — the author's name in the last distich (*maqtaʿ*). In the field of marking the opening verse of the *ghazal* (*matlaʿ*), regulated by the poetic device “beauty of the beginning”, more variable, but equally cliched models were developed.

The first stage of the history of the Persian gazelle is still connected with the Arab tradition, and its “beginnings” have analogs in the *nasib*, love beginning of the *qasida*. At the second stage, with the appearance of the Sufi *ghazal*, a discrepancy begins in the repertoire of standard beginning formulas of the *qasida* and *ghazals*.

Саитбатталов И. Р.

(Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Толкование 36-й суры Корана в экзегетических трудах богословов Башкирии начала XIX в.

Ключевые слова: ислам, ислам в России, Коран, кораническая экзегетика, суфизм, язык тюрки

36-я сура Корана традиционно считается одним из наиболее сакраментальных фрагментов священного текста, играет важную роль в религиозных практиках мусульман разных стран и поэтому является объектом постоянного внимания богословов, занимающихся коранической экзегетикой.

В первой половине XIX в. в Башкирии было написано два *тафси́ра* к одной седьмой части Корана (*хафт-и йак*). Автор первого, законченного в 1805 г., — Бахāдиршāх ибн Суйāргūл ал-Кайнāвī, составитель второго, завершеного около 1829 г., — Тадж ад-Дйн ибн Йалчйгūл (1767–1837). Значительное место в обеих работах занимает толкование к 36-й *суре*. Хотя оба богослова придерживались одной школы мусульманского права и вероучения и проживали в одном регионе, их толкования существенно различаются.

Ал-Кайнāвī уделяет много внимания описанию роли этой *суры* в религиозной практике и потусторонним наградам за уважительное к ней отношение, перечисляет мнения богословов (Ибн Аббāс, ал-Байдāвī, Муқāтил ибн Сулаймāн) об отдельных аспектах истолкования разных *айатов*. Рассказ о «жителях города» (стихи 13–30) изложен без подробностей, а их жертвы определены как Йахйā и Йūнус. В толковании к стиху 41 помещено обстоятельное описание Ноева ковчега, а толкование к 68 *айату* выполнено в морально-этическом ключе.

Ибн Йалчйгūл не перечисляет «достоинств» *суры* и не называет обстоятельств её ниспослания, излагает рассказ о «жители-

лях города» с большим количеством подробностей, имён, дополнительных сведений исторического и географического характера, также называя апостолов Йахйā и Йūнус. В толковании к 38 *айату* движение солнца описано как смена месяцев персидского солнечного календаря. 78 *айат* истолкован с помощью пространного описания диалога между Мухаммадом и мекканскими многобожниками.

Существенные различия в способах и средствах истолкования одного и того же авторитетного текста демонстрируют вариативность мусульманской экзегетической традиции в Урало-Поволжье XIX в.

Saitbattalov Iskander R.
(Bashkir State University, Ufa)

**Interpretation of Surah 36 of the Qur'an
in the exegetical works of Bashkirian scholars
of the early 19th century**

Key words: Islam, Islam in Russia, Quran, Quranic exegesis, Old Turkic language.

The 36th *Surah* of the Quran, traditionally considered as one of the most sacramental fragments of the sacred text, plays an important role in the religious practices of Muslims of different countries and therefore is the object of constant attention of scholars dealing with Quranic exegesis.

In the first half of the 19th century in Bashkiria, two *tafsirs* were written to one-seventh of the Quran (*haft-i yak*). The author of the first, completed in 1805, is Bahadirshah ibn Suyarghul al-Kaynawi, the compiler of the second, completed around 1829, is Taj ad-Din ibn Yalchighul (1767-1837). The interpretation of *Surah* 36 occupies a significant place in both works. Although both theologians adhered

to the same school of Islamic law and doctrine and lived in the same region, their interpretations differ significantly.

Al-Kaynawi pays much attention to describing the role of this *surah* in religious practice and otherworldly awards for respecting it, lists the opinions of theologians (Ibn Abbas, al-Bayḍawī, Muqatil ibn Sulaymān) about certain aspects of the interpretation of various *ayahs*. The account of the ‘inhabitants of the city’ (verses 13-30) is given without details, and their victims are identified as Yaḥyā and Yunus. The interpretation of verse 41 contains a detailed description of Noah's ark, and the interpretation of verse 68 is made in a moral and ethical manner.

Ibn Yalchighul does not list the ‘merits’ of the *surah* and does not name the circumstances of its sending, sets out a story about the ‘inhabitants of the city’ with a lot of details, names, additional historical and geographical information, also naming the apostles Yaḥyā and Yunus. In the interpretation of *ayah* 38, the movement of the sun is described as the change of months in the Persian solar calendar. Verse 78 is interpreted using a lengthy description of the dialogue between Muhammad and the Meccan polytheists.

Significant differences in the methods and means of interpreting the same authoritative text demonstrate the variability of the Muslim exegetical tradition in the Ural–Volga region of the 19th century.

Саитбатталова Ю. А.

(Башкирский государственный университет, Уфа)

**Лексико-стилистический анализ перевода
«Нагорной проповеди» в башкироязычном
«Евангелии» 1902 г. изд.**

Ключевые слова: перевод, башкирский язык, четвероевангелие, история языка, перевод Библии

Литературный башкирский язык прошел непростой и неоднозначный путь формирования и претерпел на этом пути множество трансформаций. На рубеже XIX и XX вв. начинается ключевой этап в истории становления башкирского литературного языка, обособленного от языка тюрки, появляются первые письменные памятники на формирующемся башкирском литературном языке в кириллической графике. Одним из таких памятников является «Евангелие» (*Инжил*) — коллективный перевод на башкирский язык синодального перевода Четвероевангелия. Данная книга была издана в Казани в 1902 г. и интересна исследователям по ряду причин. В рамках нашей работы для лексико-стилистического и сопоставительного анализа из рассматриваемого «Евангелия» на башкирском языке был выбран отрывок «Нагорная проповедь» (Матф. 5:1–7:29). Посвоему уникально письменное воплощение: перевод на башкирский напечатан на кириллице, а для передачи специфических звуков башкирского языка использованы диакритические знаки. Орфография приближена к разговорной речи. Заимствования из русского языка даются в соответствии с правилами русской дореформенной орфографии. Интересен и сам перевод, так как он представляет собой попытку насколько возможно точно передать содержание текста, созданного в высоком стиле литературного русского языка, на языке, фактически не располагающем подобными стилистическими средствами. Основная лексика переводного текста представлена исконно башкирскими словами, несмотря на то, что использование заимствований

могло существенно упростить задачу переводчика и помочь в передаче слов высокого стиля и безэквивалентной лексики. Русскоязычные заимствования носят терминологический характер: священник, закон, мытарь и т. д. Арабских и персидских заимствований переводчики также избегают. Имена персонажей религиозной мифологии не переведены, параллелей с исламскими текстами не проводится. Хорошо просматриваются черты, характерные для живого башкирского разговорного языка того времени. Переводчики, помимо прочего, привнесли в текст определенное количество новообразований, неизвестных в языке ранее, а также новые смыслы для слов из сферы бытового общения, ставших заменой лексики высокого стиля. Таким образом, текст представляет собой достаточно точный перевод исходного религиозного текста на язык, доступный широким слоям башкироязычного населения того времени.

Saitbattalova Yulia A.

(Bashkir State University, Ufa)

**Lexical and stylistic analysis of the translation
of the «Sermon on the Mount» in the Bashkir Gospel
edition of 1902**

Keywords: translation, Bashkir language, four Gospels, history of language, translation of the Bible

The literary Bashkir language has gone through a difficult and ambiguous path of formation and has undergone many transformations along this path. The turn of the 19th and 20th centuries became a key stage in the history of the Bashkir literary language, separated from the Turkic language. Also, the first texts written in the emerging Bashkir literary language were printed in Cyrillic alphabet. One of these books was the "Gospel" (*Inzhil*), a collective translation into the Bashkir language of the synodal translation of the Four Gospels. This book was published in Kazan in 1902 and it may be of in-

terest to researchers for several reasons. As part of our work, for the lexico-stylistic and comparative analysis from the considered "Gospel" in the Bashkir language, an excerpt, "Sermon on the Mount", was selected (Matthew 5: 1–7:29). The written embodiment is unique in its way: the translation into Bashkir was printed in Cyrillic alphabet while diacritical marks were used to convey the specific sounds of the Bashkir language. Spelling is close to colloquial speech. Borrowings from the Russian language were given following the rules of the Russian pre-reform spelling. The translation itself is also interesting, since it is an attempt to convey as accurately as possible the content of a text created in the high style of the literary Russian language in a language that does not have such stylistic means. The main vocabulary of the translated text is represented by native Bashkir words, despite the fact that the use of borrowings could significantly simplify the translator's task and help in conveying high-style words and non-equivalent vocabulary. Russian-language borrowings are terminological: priest, law, tax collector, etc. Translators also avoid Arabic and Persian borrowings. The names of religious mythology characters have not been translated, and no parallels are drawn with Islamic texts. The features characteristic of the living Bashkir spoken language of that time are visible. The translators, among other things, introduced into the text a certain number of new formations previously unknown in the language, as well as new meanings for words from the sphere of everyday communication, which have become a replacement for high-style vocabulary. Thus, the text is a fairly accurate translation of the original religious text into a language accessible to wide layers of the Bashkir language speakers of that time.

Тимохин Д. М.
(ИВ РАН)

***Джахан-наме «Книга о мире»
Мухаммада ибн Наджиба Бакрана
как источник по истории хазар***

Ключевые слова: *Джахан-наме*, Мухаммад ибн Наджиб Бакран, мусульманская литература, хазары, Итиль

В рамках данного доклада нами будет рассмотрено географическое сочинение начала XIII в. *Джахан-наме «Книга о мире»* принадлежащее перу хорезмийского придворного и ученого Мухаммада ибн Наджиба Бакрана. Этот памятник был посвящен хорезмшаху 'Ала ад-Дину Мухаммаду ибн Текешу, и представлял собой карту, которую автор дополнил необходимыми пояснениями, составившими в совокупности порядка 20 глав. Несмотря на то, что текст этого источника был опубликован Ю. Е. Борщевским еще в 1960-м г., к его тексту редко обращались специалисты по истории Хазарского каганата и сопредельных с ним держав и регионов. В этом докладе нам хотелось бы не только продемонстрировать информационный потенциал данного сочинения применительно к реконструкции хазар и созданного ими государства, но и выделить связи между *Джахан-наме* и более ранними историческими и географическими мусульманскими памятниками. Надеемся, что наш доклад окажется полезным, как специалистам по истории Хазарского каганата, так и тем, кто интересуется мусульманскими памятниками начала XIII в.

Timokhin Dmitri M.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

***Jahan-nameh* «The Book of the World»
by Muhammad ibn Najib Bakran
as a source on the history of the Khazars**

Keywords: *Jahan-nameh*, Muhammad ibn Najib Bakran, Muslim literature, Khazars, Itil

Within the framework of this report, we will consider the geographical composition of the early 13th century *Jahan-nameh* «The Book of [or about] the World», written by the Khorezm courtier and scholar Muhammad ibn Najib Bakran. This monument was dedicated to the Khorezm Shah Ala al-Din Muhammad ibn Tekesh, and was a map that the author supplemented with the necessary explanations, which together made up about 20 chapters. Although the text of this source was published by Yu. E. Borshchevsky's as early as 1960, text was rarely consulted by specialists in the history of the Khazar Khaganate and neighboring powers and regions. In this report, we would like not only to demonstrate the informational potential of this work in relation to the reconstruction of the Khazars and the state created by them, but also to highlight the links between «*Jahan-nameh*» and earlier historical and geographical Muslim monuments. We hope that our report will be useful both for specialists in the history of the Khazar Khaganate, and for those who are interested in Muslim monuments of the beginning of the 13th century.

Торопыгина М. В.
(ИВ РАН, ИКВИА ВШЭ)

Трактовка сюжета «путешествие на острова» (*сима ватару*) в рассказе *Касуми-но кума хару Асаина* «Туман весеннего утра повсюду или Асаина», 1792 г.

Ключевые слова: японская литература, эпоха Эдо, книгопечатанье, путешествия на острова, Санто Кёдэн, Китао Сигэмаса

Сведения о том, что в далеких землях, на далеких островах живут удивительные люди, большие или маленькие, с длинными руками или ногами, с дырой в груди, что есть острова, населенные исключительно женщинами или черными людьми, японские сочинители брали из древних географических представлений. Первым литературным героем, совершившим путешествие на острова, был юноша по имени Ондзоси (Минамото-но Ёсицунэ) в рассказе *Ондзоси сима ватару* «Путешествие Ондзоси на острова» (эпоха Муромати, XIV–XVI вв.). Вслед за Ондзоси различные острова стали посещать другие герои. В период Эдо (XVII – первая половина XIX в.) одним из путешественников стал Асаина (Асахина), историческим прототипом которого является воин начала XIII в. Асаина Ёсихидэ, ему посвящены произведения разных жанров. История, рассказанная в книге «Туман весеннего утра повсюду или Асаина» (автор текста Санто Кёдэн, художник Китао Сигэмаса), является развитием сюжета «путешествие на острова», она рассказывает, как жители диких земель оказались в Японии.

Toropygina Maria V.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The interpretation of the “voyage to the islands” (*shima watari*) plot in the story *Kasumi no kuma haru asahina* “Spring morning fog everywhere or Asahina”, 1792

Keywords: Japanese literature, Edo period, book printing, voyage to the islands, Santō Kyōden, Kitao Shigemasa

Japanese writers took the information about distant islands inhabited by amazing people, being large or small, with long arms or legs, with a hole in the chest, inhabited exclusively by women or black people, from ancient geographical concepts. The first literary hero to travel to the islands was a young man named Onzōshi (Minamoto-no Yoshitsune) in the story *Onzōshi shima watari* (*Onzōshi's Journey to the Islands*, Muromachi period, 14th-16th centuries). Following Onzōshi, other heroes began to visit various islands. During the Edo period (17th – first half of the 19th century), Asaina, whose historical prototype is the warrior of the early 13th century Asaina Yoshihide, became one of the travelers and the hero of the texts of different literary genres. The story being told in the book “Spring morning fog everywhere or Asaina” by Santō Kyōden (text) and Kitao Shigemasa (illustrations) is a development of the “voyage to the islands” plot, it tells how the inhabitants of strange lands ended up in Japan.

Тюлина Е. В.
(ИВ РАН)

Особенности представления о времени в пуранах

Ключевые слова: пураны, древняя и средневековая Индия, представления о времени и истории

Пураны являются своеобразными энциклопедиями, в которых с точки зрения индуизма осмысляются все проявления мира. Однако при определении особенностей их как жанра в научной литературе принято выделять так наз. «пять признаков», или панча-лакшана (*pañcalakṣana*): творение — *сарга* (*sarga*), гибель и новое творение — *прамасарга* (*pratisarga*), генеалогии — *вамша* (*vaṁśa*), периоды мира, каждый из которых имеет своего прародителя Ману, — *манвантары* (*manvantara*) и история Солнечной и Лунной царских династий — *вамша-анучарита* (*vaṁśānucarita*). И это не случайно. Все эти темы так или иначе связаны с историей мира и демонстрируют иное по сравнению с предшествующей литературой восприятие времени.

В докладе предполагается проанализировать особенности пуранических представлений о времени и показать их отличие от древних. В древности представление о времени было связано с годовым циклом, объединяющим космические, природные и общественные, выраженные в ритуале циклы. В пуранах же мы видим попытки «распрямления» времени. Однако индийские описания «истории мира» во многом отличаются от европейских раннеисторических описаний. В их основе лежат выработанные традицией клише и образы, кочующие из одного произведения в другое. Творение, превратившееся в цепь творений, генеалогии богов и мудрецов, царские списки — всё так или иначе связывается с историей перевоплощений верховного бога и бесчисленных проявлений его энергий, с историей появления его многочисленных потомков и последователей. Это

приводит к формированию в Индии весьма своеобразного исторического сознания, когда история в нашем понимании этого слова подменяется мифологической историей. Известно, что до прихода мусульман индийцев совершенно не интересовала история. В древних и средневековых индийских источниках трудно найти какие-либо исторические факты, датировки текстов условны и весьма приблизительны.

Tyulina Elena V.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Features of the concept of time in the Puranas

Keywords: Puranas, ancient and medieval India, concepts of time and history

The Puranas are a kind of encyclopedias, in which all the manifestations of the world are interpreted from the point of view of Hinduism. But when determining the features of them as a genre in the scientific literature, it is customary to distinguish the so-called “five marks”, or *pañcalakṣana*: creation — *sarga*, death, and new creation — *pratisarga*, genealogies — *vaṁśa*, periods of the world, each of which has its own progenitor Manu, — *manvantara* and the history of the Solar and Lunar royal dynasties — *vaṁśānucarita*. And this is not accidental. All these topics are somehow connected with the history of the world and demonstrate a different perception of time compared to the previous literature.

The report is supposed to analyze the features of the Puranic ideas about time and show their difference from the ancient ones. In ancient times, the idea of time was associated with an annual cycle that combines cosmic, natural, and social cycles expressed in ritual. In the Puranas, we see attempts to “straighten” time. However, Indian descriptions of the “history of the world” differ in many ways from European early historical descriptions. They are based on clichés and

images that are developed by tradition and wander from one text to another. The creation that has turned into a chain of creations, the genealogies of gods and sages, royal lists – everything is connected with the history of the reincarnations of the supreme god and the countless manifestations of his energies, with the history of the appearance of his numerous descendants and followers. This leads to the formation of a very peculiar historical consciousness in India when history in our understanding of this word is replaced by mythological history. It is known that before the arrival of Muslims, the Indians were completely uninterested in history. It is difficult to find any historical facts in ancient and medieval Indian sources, the dating of texts is conditional and very approximate.

Федорова Ю. Е.

(Институт философии РАН)

**Концепция «правления факиха» (*вилаят-и факих*)
имам Хомейни и ее суфийские истоки**

Ключевые слова: философия, суфизм, политика, праведный факих, совершенный человек, исламское правление, аятолла Хомейни, Ибн Араби

Современный политический дискурс в Иране во многом сложился под влиянием тех моделей рационализации, которые сформировались еще в классический период развития арабo-мусульманской культуры (VIII–XV вв.). В докладе будет представлен анализ политической концепции идеолога исламской революции в Иране 1979 г. аятоллы Хомейни (1902–1989) и его подхода к истолкованию обязанностей правителя-правоведа. Привлечение категориальной пары «явное — скрытое» (*захир — батин*) к разбору аргументации Хомейни дает возможность выявить в его главном сочинении «Правление факиха: исламское правление» (*Вилаят-и факих: хукумат-и ислами*) важнейшие отсылки к философским построениям зрелого суфизма. Будет показано, каким образом в политическом манифесте Хомейни находят воплощение и переосмысляются представления о «Совершенном человеке» (*инсан камил*) крупнейшего суфийского мыслителя Ибн Араби (1165–1240).

Fedorova Yulia E.

(Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Political concept of Imam Khomeini and its Sufi origins

Keywords: Philosophy, Sufism, Politics, Righteous Jurist, Perfect Human Being, Islamic Government, Ayatollah Khomeini, Ibn ‘Arabi

The main models of rationalization formed in the classical period of the Arab-Muslim culture (8–15th centuries) have had a notable impact on Modern political discourse in Iran. The paper will present an analysis of the political concept of the ideologist of the Islamic revolution in Iran in 1979 Ayatollah Khomeini (1902–1989). Applying the categorical model “explicit – hidden” (*zahir – batin*) to the analysis of Khomeini's argumentation makes it possible to identify the most important references to the philosophical constructions of mature Sufism in his main work “Governance of the Jurist: Islamic Government” (*Vilayat-i fakih: hukumat-i islami*). The result shows how the concept of the “Perfect Human Being” (*insan kamil*) of the greatest Sufi thinker Ibn ‘Arabi (1165–1240) is realized and fundamentally reconsidered in Khomeini's political manifesto.

Фролова М.В.
(ИСАА МГУ)

Чиунг Ванара и другие индонезийские сказки о соперничестве двух жён

Ключевые слова: Индонезийские волшебные сказки, индонезийский фольклор, Аип Росиди

Мотив соперничества двух жён, старшей и младшей, часто присутствует в индонезийских сказках. Для объяснения популярности этого мотива взят следующий материал: балийская сказка «Бабушка-ведьма», яванские «О сироте Асмаре и его сестре Кусуме», *Бидасари*, «Петух Панджи Лараса» и сунданская сказка *Чиунг Ванара*. Последняя сравнивается по двум оригинальным текстам, издательства «Балэй Пустака» и в авторском переложении поэта и писателя Аипа Росиди (1938–2020). Материал позволяет сделать выводы, что соперничество жён периодически вытесняет «классическое» противостояние старшей и младшей дочерей. Сказочное соперничество жён не связано с исламом, а относится к вопросу престолонаследия и передачи власти через первую (старшую) жену правителя (*permaisuri*). Несправедливое обращение с детьми от первой жены напрямую зависит от этого свойства первой жены передавать власть и транслировать сакральную энергию *сакти*, наделённостью которой должен обладать каждый легитимный правитель. Также большое количество сюжетов о соперничестве жён, а не сестёр, отзывается и в современности в связи с реальным страхом индонезиек перед полигамией; соперничество жён часто изображается в современной массовой культуре (песни, кино, ток-шоу и т.д.).

Frolova M.V.

(Institute of Asian and African Countries, Moscow State University)

Ciung Wanara and other Indonesian tales about the rivalry of two wives

Keywords: Indonesian wonder tales, Indonesian folklore, Ajip Rosidi

The motive of rivalry between two wives, the elder and the younger, is often present in Indonesian wonder tales. To explain the popularity of this motive the following material was taken: the Balinese tale "The Witch Grandmother", the Javanese "About the orphan Asmara and his sister Kusuma", *Bidasari*, "Panji Laras' Rooster" and the Sundanese tale *Ciung Wanara*. The latter is compared according to two original texts printed by "Balai Pustaka" publishing house and in the authorized arrangement of poet and writer Ajip Rosidi (1938–2020). The material allows us to conclude that the rivalry between wives periodically displaces the "classic" confrontation between the eldest and the youngest daughters. The fabulous rivalry of wives is not associated with Islam but refers to the issue of succession to the throne and the transfer of power through the first (senior) wife of the ruler (*permaisuri*). The unfair treatment of children by the first wife directly depends on this ability of the first wife to transfer power and spread the sacred energy of *sakti*, which should be possessed by every legitimate ruler. Also, a large number of plots about the rivalry of wives, not sisters, also resonates in modern times in connection with Indonesian women's real fear of polygamy; rivalry between wives is often depicted in modern popular culture (songs, movies, talk shows, etc.).

Хайрутдинов А. Г.

(Институт истории им. Ш.Марджани АН Республики Татарстан)

**Коран о метемпсихозе на основе
логики-лингвистического анализа
аята 96 суры «Стоящие в ряд»**

Ключевые слова: исламоведение, исламская экзегетика, корановедение, тафсир, реинкарнация в исламе, онтология ислама, природа творения

Реинкарнация — понятие, лежащее в основе культур и мировоззрения многих народов и религиозных систем (индуизм, буддизм, иудаизм и христианство). Этот фундаментальный мировоззренческий постулат отражен также и в Коране. Нами были обнаружены многочисленные прямые и не прямые подтверждения существования реинкарнации. В докладе разбирается один из доводов, который можно отнести ко второй группе. Он представлен как элемент общего контекста коранического послания и онтологических понятий исламской религии. Умозаключения, сделанные в ходе осмысления выбранного довода, представляют собой неотъемлемую часть более широкой картины, созданной также на основе исследования текста Корана. Выводы в пользу признания Кораном реинкарнации выстроены на его послылках о природе бытия: соотношение бытия Бога и бытия тварного мироздания, как физической манифестации Творца; Творец, как предельная реальность и опровержение догмата о т.н. «сотворении из ничего»; не-существование небытия как такового, в том числе и смерти, понимаемой как одна из форм не-бытия. Посылка о не-бытии смерти побуждает обратить особое внимание на понятие предвечности вечных духов *арвах*, и их воплощении в человеческих телах. Сказанное естественным образом приводит к признанию того, что Коран подтверждает существование реинкарнации.

Khairutdinov Aidar G.

(Sh.Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences)

The Qur'an on reincarnation: a logical and linguistic analysis of the 96th verse of the *surah* "Standing in a row"

Keywords: Islamic studies, Islamic exegesis, Qur'anic studies, Tafsir, reincarnation in Islam, ontology of Islam, the nature of creation

Reincarnation is a concept that underlies the cultures and worldviews of many peoples and religious systems (Hinduism, Buddhism, Judaism, and Christianity). This fundamental worldview postulate is also reflected in the Qur'an. We have found numerous direct and indirect confirmations of the existence of reincarnation. The report examines one of the arguments that can be attributed to the second group. It is presented as an element of the general context of the Qur'anic message and the ontological concepts of the Islamic religion. The conclusions drawn during the comprehension of the chosen argument are an integral part of the broader picture, created also on the basis of the study of the text of the Qur'an. The conclusions in favor of the Qur'an's recognition of reincarnation are based on its premises about the nature of being: the correlation of the existence of God and the existence of the created universe as a physical manifestation of the Creator; the Creator as the ultimate reality and the refutation of the dogma of the so-called "creation from nothing"; the non-existence of non-existence as such, including death, understood as one of the forms of non-existence. The premise about the non-existence of death prompts us to pay special attention to the concept of the eternity of eternal spirits-*arwah*, and their incarnation in human bodies. This naturally leads to the recognition that the Qur'an confirms the existence of reincarnation.

Ханмурзаев И.И., Османова М.Н.
(ИИАЭ ДНЦ РАН)

Маргинальные записи дагестанских арабоязычных рукописей как источник по изучению генеалогии (по материалам археографических экспедиций)

Ключевые слова: археографическая экспедиция; частные книжные коллекции Дагестана; арабские рукописи; маргинальные записи; генеалогия

Одной из особенностей дагестанской арабоязычной рукописной традиции является наличие многочисленных маргинальных (внетекстовых) записей. Маргинальные записи генеалогического характера исследуются для выяснения вопросов наследования имущества, преемственности передачи частных рукописных коллекций представителям одной семьи (рода, *тухума*), степени родства, а также составления родословных (так наз. «генеалогического древа»).

В докладе рассмотрены маргинальные записи, содержащиеся в 8 рукописях на арабском языке из частной коллекции М. Гаджиева (с. Ругельда Шамильского района Республики Дагестан), имеющие отношение к одному из предков хозяина коллекции – *кадию* Хирамухаммаду ар-Ругилди, жившему в середине XIX века. Предположительно, Хирамухаммад сын Канав Али ар-Ругилди и был основоположником этой богатейшей (240 единиц описания) книжной коллекции, включающей рукописи и старопечатные книги самой разнообразной тематики: Коран, *тафсир*, *таджвид*, мусульманское право, грамматика, логика, риторика и др. Получив традиционное мусульманское образование у видных ученых Нагорного Дагестана, Хирамухаммад стал *кадием* в родном селе Ругельда, обзавелся семьей. Факты рождения детей и внуков фиксировались им и его по-

томками на полях особо ценных для семьи рукописей: *Тахрир ал-Кава'ид ал-мантикийа фи Шарх рисалат аш-Шамсийа* Кутбаддина ар-Рази (логика), *Хашийа 'ала Исагуджи (Шарх рисалат ал-Абхари)* Ну'мана б. Шейх Са'ид аш-Ширвани ад-Дагистани (логика) и др. Авторы систематизировали полученную информацию в хронологическом порядке (1861–1936 гг.) и составили «генеалогические древа», объединившие некоторых представителей этого рода.

Традиция составления генеалогических древ активно возрождается в настоящее время историками, этнографами, краеведами, социологами, многократно обращающимися к арабографическим письменным источникам.

Ismail I. Khanmurzaev, Milena N. Osmanova

(Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences)

Marginal notes on the Dagestan Arabic-Language manuscripts as a source to study genealogy (according to the materials of archaeological expeditions)

Keywords: archaeological expedition; private book collections of Dagestan; Arabic-language manuscripts; marginal notes; genealogy

One of the features of the Dagestan Arabic-language manuscript tradition is the presence of numerous marginal (non-textual) notes. Marginal genealogical notes are studied to clarify the issues of property inheritance, the continuity of the transfer of private manuscript collections to representatives of the same family (clan, *tukhum*), the degree of kinship, as well as the compilation of "family trees".

The report examines marginal notes contained in 8 manuscripts in Arabic from M. Gadjiev's private collection (in Rugelda village of the Shamil district of the Republic of Dagestan), related to one of the

ancestors of the collection's owner, Qadi Khira Muhammad al-Rughildi, who lived in the middle of the 19th century. Presumably, Hiramuhammad, the son of Kanav 'Ali al-Rughildi was the founder of this vast (240 units of description) book collection, including manuscripts and old printed books of the various subjects: Quran, *tafsir*, *tajwid*, Muslim law, grammar, logic, rhetoric, etc.

Khira Muhammad received a traditional Muslim education from prominent scholars of Nagorny Dagestan and after studying, he returned to his native village Rughelda, where he became a Qadi, got a family and children. The facts of birth of children and grandchildren were recorded by him and his descendants in the margins of manuscripts especially valuable for their family: *Tahrir al-Qawa'id al-mantiqiya fi Sharh risalat al-Shamsiya* by Qutb al-din al-Razi (logic), *Hashiya 'ala Isaghuji (Sharh Risalat al-Abhari)* " by Nu'man b. Shaykh Sa'id al-Shirwani al-Daghistani (logic), et al.

The authors have systematized in chronological order (1861–1936) all the information obtained. They also formed out family trees that have united some representatives of this genus. Nowadays the tradition of compiling family trees is actively revived by historians, ethnographers, local historians, sociologists, who repeatedly turn to Arabographic written sources.

Чалисова Н. Ю.
(ИВКА НИУ ВШЭ)

**Для кого Абу Бакр б. Хусрав ал-Устад
написал *Мунис-наме*?
(Об авторском предисловии и его русском переводе)**

Ключевые слова: персидские князьи зеркала, *Мунис-наме*, персидская повествовательная литература

Мунис-наме (*Mūnis-nāma*, *Mūnis-nāmeḥ*) или «Книга-наперсница» создана в Гандже в конце XII в., принадлежит перу Абу Бакра б. Хусрава ал-Устада и посвящена атабеку Абу Бакру Нусрат ад-Дину Ильдегизиду (пр. 1191–1210). Согласно авторскому предисловию, *Мунис-наме* предназначена для обучения и развлечения правителей и их отпрысков. Представленная автором как «князье зеркало», книга соединяет в единое целое литературу для избранных и простонародную литературу; сочинение имеет большую ценность и как уникальный образец адабной прозы, и как ранний источник по иранскому фольклору.

Единственная сохранившаяся рукопись сочинения хранится в библиотеке Британского музея; долгое время она почти не привлекала внимания европейских иранистов. Лишь в последние годы над рукописью начала работать Насрин Аскари (University of British Columbia), опубликовавшая несколько статей и подготовившая аннотированное издание текста (forthcoming). Однако перевод сочинения на русский язык непосредственно с фотокопии рукописи был осуществлен значительно раньше; авторитетный иранист Р. Алиев опубликовал его в Баку в 1991 г.

Первая часть доклада посвящена обсуждению стандартных и нетривиальных аспектов «самопрезентации автора» в интродукции к *Мунис-наме*; Абу Бакр б. Хусрав ал-Устад не только сформулировал цели и задачи своей работы, но и обозначил,

с неожиданными подробностями, свою целевую аудиторию. Во второй части будет рассмотрен перевод предисловия, сделанный Р. Алиевым, и предложено уточнение, касающееся как раз пассажа о тех, для кого написана книга.

Chalisova Natalia Yu.

(Institute for Oriental and Classical Studies,
National Research University Higher School of Economics)

**For whom did Abū Bakr b. Khusraw al-Ustād
write his *Mūnis-nāma*? (About the author's Introduction
and its Russian translation)**

Keywords: Persian mirrors for princes, *Mūnis-nāma*, Persian narrative literature

Mūnis-nāma (*Mūnis-nāmeḥ*, lit. “a confidant book”) was created in Ganja at the end of the twelfth century, authored by Abū Bakr b. Khusraw al-Ustād and dedicated to Atabeg of Azerbaijan Nuṣrat al-Dīn Abū Bakr (r. 1191–1210). According to the author's Introduction, *Mūnis-nāma* is intended for the education and entertainment of rulers and their offspring. Presented by the author as a “mirror for princes”, the book combines the elite literature and popular literature into a single whole; the work is of great value both as a unique example of *adab* prose, and as an early source on Iranian folklore.

The only extant manuscript of *Mūnis-nāma* is stored in the British Museum; for a long time, it almost did not attract the attention of European Iranologists. It was only in recent years that Nasrin Askari (University of British Columbia) began working on the manuscript, published some instructive articles, and prepared an annotated edition of the whole text (*forthcoming*). However, the translation of the work into Russian directly from a photocopy of the British Library manuscript was carried out much earlier; the authoritative scholar R. Aliyev published it in Baku in 1991.

First, standard, and non-trivial aspects of the author's Introduction to *Mūnis-nāma* are under discussion in this presentation. Abū Bakr b. Khusraw al-Ustād not only formulated the goals and objectives of his work but also identified, with unexpected details, his target audience. Second, R. Aliyev's translation of the Introduction will be discussed, and a correction concerning the target readers proposed.

Чупрыгина Л. А., Андреева М., Архипов Н. Д., Чернявская С. Н.
(НИУ ВШЭ)

**Дамаск: история, обычаи, знаковые места
(по книге Мухаммада б. ‘Абд ал-Мун‘има ал-Химйари
«Благоухающий сад новостей из разных стран»¹, XIV в.)²**

Ключевые слова: «Благоухающий сад новостей из разных стран», Мухаммад б. ‘Абд ал-Мун‘им ал-Химйари, Дамаск, Джиллак, Шам

«Дамаск — столица Шама и место, где находится дворец халифа из династии Омейядов. Название города восходит к имени его основателя: это Димашк б. Кани б. Малик б. Арфахшад б. Сам б. Нух (мир ему!)³. Говорили, что это название городу дал Димашк б. Нимруд б. Кан‘ан. Ийад⁴ сказал: “В этом имени *дал* огласован *касрой*, а *мим* — *фатхой*, но есть и те, кто огласовывают *мим касрой*”. В основании этой версии происхождения названия — высказывания ‘Ауфа б. Халида и других, однако говорили и иначе. Персидские историки сообщали: в месяце *айар*

¹ Ал-Химйари, ‘Абд ал-Мун‘им. *Ар-равд ал-ми‘тар фи хабар ал-актар* / Ред. Ихсан ‘Аббас. Бейрут: Мактабат Лубнан, 1974.

² В докладе использованы результаты проекта «Изучение арабских классических текстов как методологическая основа исследовательской деятельности и преподавания арабского языка», выполненного в рамках конкурса проектных групп факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 году.

³ Димашк б. Кани б. Малик б. Арфахшад б. Сам б. Нух — мифический основатель Дамаска. Впервые упоминается в труде географа Шамс ад-дина ал-Мукаддаси *Ахсан ат-такасим фи ма‘рифат ал-акалим* «Лучшее разделение для познания климатов» (80-е гг. IX в.).

⁴ Ийад б. Ганм б. Зухайр ал-Фихри (ум. 20; здесь и далее — годы по хиджре) — сподвижник Мухаммада, полководец; участник завоевания ал-Джазиры и северной Сирии.

правитель Дамшуш построил город Джиллак¹, выкопал реку Барада и пробил для нее проход в горе, чтобы она текла к городу»², — так начинается ал-Химйари свой рассказ о Дамаске в книге, названной автором географической энциклопедией.

К Дамаску ал-Химйари в полной мере применимо выражение «каждый камень дышит историей»; все объекты в нем — знаковые. К таковым относятся не только кладбище Баб ас-Сагир, Пещера крови (*магарат ад-дам*) в горе Касйун и мечеть Омейядов, но и менее известные — такие, как больницы-приюты для душевнобольных или обители суфиев (*ал-хаваник*), детально описанные автором.

Описание Дамаска, его истории и обычаев, занимающее значительное место в книге ал-Химйари, не может оставить читателя равнодушным: привлекает и красочность изложения, и исторические (или мифологические) сюжеты, часто заимствованные ал-Химйари у более ранних авторов и переданные им в собственной интерпретации, и множество топонимов и линг-

¹ *Джиллак* — древнее название Дамаска. Встречается три варианта написания этого топонима: *Джаллик* — встречается только у Ибн Кутайбы ад-Динавари (ум. 276); *Джиллик* — приводится Якутом ал-Хамави, который ссылается на языковедов ал-Джавхари (ум. 393) и Абу Мансура ал-Азхари (ум. 370). Также встречается у Абу Бакра ад-Динавари (ум. ок. 333), Абу ‘Убайды ал-Бакри (ум. 487), Шамс ад-дина аз-Захаби (ум. 748), Муртады аз-Забиди (ум. 601) и др. Второй по частоте использования вариант написания; *Джиллак* — встречается у Лабида б. Раби‘а (ум. 41), Халила ал-Фарахиди (ум. ок. 175) в *Китаб ал-‘айн*, аз-Зубайры б. Баккара (ум. 256), в *тафсири* и "Истории пророков и царей" ат-Табари, у Абу-л-Хасана ал-Вахиди (ум. ок. 468), Ибн Манзура в *Лисан ал-‘Араб* (ум. 355) и др. Наиболее распространённый вариант написания. В словаре Файрузабади приводятся оба варианта (*Джиллик/Джиллак*). В русскоязычной востоковедческой литературе топоним нам встретился только в «Истории халифата» О. Г. Большакова как *Джиллик*.

² Перевод авторов.

вострановедческих реалий. Передача каждой из этих реалий в русскоязычный дискурс представляет собой отдельную исследовательскую задачу. Результаты таких исследований — как завершенных, так и требующих дальнейшей интерпретации — и станут предметом доклада.

Chuprygina L., Andreeva M., Arkhipov N., Chernyavskaya S.
(National Research University Higher School of Economics)

Damascus: History, Customs, Significant Places
(from *Al-Rawd al-Mi'tar fi Khabar al-Aqtar* by al-Himyari)

Key words: “A Fragrant Garden of News from Different Countries”, Muhammad b. ‘Abd al-Mun‘im al-Himyari, Damascus, Jillak, Sham

“Damascus is the capital of Sham. It is a place where the palace of the Umayyad Caliph is located. The name of the city goes back to its founder — Dimashq b. Kani b. Malik b. Arfakhshadh b. Sam b. Nuh (PBUH). They said that the city was named by Dimashq b. Nimrud b. Kan‘an. Iyad said: “In this name *dal* is used with *kasra* and *mim* with *fatha*, but there are those who use *mim* with *kasra*”. This version of the origin of the name is based on the saying of ‘Auf bin Khalid and others, but there were some who said different. Persian scribes communicated: in the month of *Ayyar* the Ruler Damshush built the city Jillak and excavated the river Barada and cut the passage through the mountain for it to flow into the city”. This is how al-Himyari starts the tale of the city of Damascus in his book which he named the Encyclopedia of Geography.

In Damascus of al-Himyari literally “every stone breathes history”. All places there are full of meaning. The Bab al-Saghir graveyard, Cave of Blood (*Magharat al-Dam*) in the Qasyun mountain, and, of course, the Umayyad Mosque described by the author in exhaustive details. But not only those — also less well-known, such as hospitals-shelters for the mentally ill or inns for the Sufis.

The description of Damascus, its history and customs of its inhabitants which occupies significant part of the al-Himyari book cannot leave the reader indifferent: colourful narrative, historical and mythological plot frequently borrowed from early authors and retold by al-Himyari along new interpretation, a large number of toponyms and lingvo-geographical realities. Transmitting these realities into the Russian language discourse is a separate research task. The results of this research whether completed or liable to be developed further are the subject of this report.

Шелестин В. Ю.

(ИВ РАН)

Проблемы интерпретации «Повествования о Цальпе»

Ключевые слова: древнехеттская литература, Древний Ближний Восток, мифология, Хаттуса, Цальпа

Один из наиболее известных памятников древнехеттской литературы — «Повествование о Цальпе», в котором друг друга дополняют фантастическая легенда о поисках своих корней братьями-канеситами, выросшими в Цальпе, и хроника войн царей Хаттусы и Цальпы. Хотя обе части произведения неоднократно обсуждались в научной литературе, до сих пор окончательно не решены как ключевые для его понимания вопросы — являются ли оба повествования частью единого целого, и где проходит грань между исторической основой и мифологическим повествованием, — так и частные проблемы: реконструкция фрагментарных частей текста, интерпретация отдельных неясных слов (например, что делает осёл в городе Тамармара), особенности эволюции восприятия древнехеттского текста новохеттскими переписчиками. В настоящем исследовании представлена новая попытка ответить на эти вопросы с учётом наших новых знаний древнехеттской политической истории и особенностей эволюции хеттской литературы.

Shelestin Vladimir Yu.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The interpretation problems of the “Tale of Zalpa”

Keywords: Ancient Near East, Hattuša, mythology, Old Hittite literature, Zalpa

One of the well-known monuments of the Old Hittite literature is the “Tale of Zalpa”, which consists of the fantastic legend about the

Kanešite brothers who matured in Zalpa and searched for their roots, and the chronicle of the wars between Hattuša and Zalpa. Despite both parts of the narration have been discussed a lot in the scholastic literature, we still have no final solutions for the key questions – whether both narrations are the parts of the whole, and where is the boundary between the historical background and the mythological text; and for the particular problems – how to reconstruct the fragmentary parts of the text, how to interpret some unclear words (for example, what the donkey does in the city of Tamarmara), and how the New Hittite scribes were perceiving the Old Hittite text. This research will give new answers to these old questions taking into account our new knowledge of the Old Hittite political history and of the evolution of the Hittite literature.

Юдицкая Е. А.
(ИВ РАН)

**Понятие *витхьянга* по материалам *Натьяшастры*
и феномен речевого сбоя
в классической санскритской драме**

Ключевые слова: классическая санскритская драма, речевой сбой, *витхьянга*, речевая ситуация, древнеиндийская теория литературы

При исследовании классической санскритской драмы нами было установлено наличие в ней и активное использование весьма своеобразного выразительного средства. Как выяснилось, в сюжете практически каждой пьесы неизменно обыгрываются оговорки и другие произвольные речевые ошибки, а также ошибочные действия. Работа со средневековыми комментариями к пьесам позволила нам выявить специальный термин, которым комментаторы маркируют данные ошибки в речи и действиях персонажей. При этом, осмысление получает не столько сама ошибка, сколько речевая ситуация, складывающаяся вокруг этой ошибки. Санскритские комментаторы обозначают эти ситуации как тот или иной тип *витхьянги*. *Натьяшастра* (обширный трактат, посвященный многим аспектам древнеиндийского сценического искусства) содержит список, насчитывающий 13 типов *витхьянг*. Кроме того, термин *витхьянга* фигурирует в обоих имеющихся в *Натьяшастре* определениях пролога. В классической санскритской драме пролог является сложной конструкцией, имеющую несколько семантических уровней, один из которых непосредственно связан с сюжетом пьесы. Особая роль *витхьянги*, которая древнеиндийскими теоретиками отводится этому понятию при построении пролога, подтверждает особую важность данного литературного приема в поэтике древнеиндийской драмы.

Yuditskaya Ekaterina A.

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**The concept of *vīthyaṅga* according to *Nāṭyaśāstra*
and the phenomenon of speech errors
in classical Sanskrit drama**

Keywords: classical Sanskrit drama, speech errors, *vīthī*, *vīthyaṅga*, speech situation, ancient Indian theory of literature

Our research of classical Sanskrit drama has led us to establish the presence and active use of a quite peculiar expressive means. As it turned out, the plot of almost every play invariably involves tongue slips and other involuntary speech errors, as well as erroneous actions. The analysis of medieval commentaries on plays allowed us to identify a special term that the commentators use to mark these errors in the speech and action of characters. Yet in the commentaries it is not the error itself that is treated, but the speech situation that evolves around it. Sanskrit commentators refer to these situations as one or other type of *vīthyaṅga*. *Nāṭyaśāstra* (an extensive treatise on many aspects of ancient Indian stage art) contains a list of 13 types of *vīthyaṅgas*. Besides, the term *vīthyaṅga* appears in both definitions of the prologue that we can find in *Nāṭyaśāstra*. In classical Sanskrit drama, the prologue is a complex construction that has several semantic levels, one of which is directly connected to the plot of the play. The special role of *vīthyaṅga*, which ancient Indian theorists prescribe to this concept as they talk of the construction of prologue, confirms the special importance of this literary device in the poetics of the ancient Indian drama.

* * *